

Министерство культуры Хабаровского края
Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА»

*К 135-летию со дня рождения выдающегося
русского писателя и мыслителя
Всеволода Никаноровича Иванова*

**Всеволод Никанорович Иванов —
писатель и философ**

Библиографический указатель

2-е дополненное издание

Хабаровск
2023

УДК 016:92+01:882(571.6)
ББК 91.9:83+83.3(2Рос=Рус)6я1
И 201

Редакционная коллегия: Якуба Т. Ю., Наумова Р. В. (гл. ред.), Кирпиченко Т. В. (сост.), Казачук Г. И. (отв. за выпуск)

Всеволод Никанорович Иванов — писатель и философ : к 135-летию со дня рождения писателя : биобиблиогр. указ. / М-во культуры Хабаров. края, Дальневост. гос. науч. б-ка ; сост. Т. В. Кирпиченко. — 2-е изд., доп. — Хабаровск : ДВГНБ, 2023. — 115 с.

Биобиблиографический указатель «Всеволод Никанорович Иванов — писатель и философ» посвящён 135-летию со дня рождения выдающегося русского писателя и мыслителя. Это дополненное издание указателя, опубликованного в 2013 году к 125-летию Вс. Н. Иванова. В указателе представлены библиографические записи о книгах и публикациях Вс. Н. Иванова, изданных в разные периоды его жизни, в том числе в годы эмиграции в Китае, а также сведения о литературе, посвящённой его жизни и деятельности, имеющейся в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки. Указатель дополнен текстовыми материалами о Вс. Н. Иванове, исследователей его творчества, известных хабаровских краеведов и писателей.

Биобиблиографическое пособие адресовано литературоведам, краеведам, педагогам, студентам и школьникам.

Дальневосточная государственная научная библиотека выражает благодарность Хабаровскому краевому музею имени Н. И. Гродекова за предоставленные фотодокументы.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
Основные события жизни и деятельности.....	6
Ефименко В. М. Трудная судьба писателя (Вс. Н. Иванов).....	8
Ефименко Ю. В. Истина не посередине — в дороге!.....	17
Алёнкина Е. М. С высоко поднятой головой.....	39
Кирпиченко Т. В. Вс. Н. Иванов и Дальневосточная государственная научная библиотека.....	49
Позина Н. С. «Пленительная сила женщин...» (о судьбах жён писателя Вс. Н. Иванова).....	52
Кирпиченко Т. В. Легенда Хабаровска (Вс. Н. Иванов и М. И. Букреева).....	57
Библиография.....	63
Публикации Вс. Н. Иванова и литература о нём.....	65
Книги Вс. Н. Иванова 1921–1939 гг.	65
Книги Вс. Н. Иванова 1952–2015 гг.	66
Публикации Вс. Н. Иванова в периодических изданиях и сборниках.....	70
Рецензии Вс. Н. Иванова.....	75
Материалы о жизни и деятельности писателя.....	76
Именной вспомогательный указатель.....	97
Фотографии.....	101
Обложки книг.....	109

От составителей

Биобиблиографический указатель «Всеволод Никанорович Иванов — писатель и философ» подготовлен к 135-летию со дня рождения самобытного русского писателя-дальневосточника.

Жизнь Вс. Н. Иванова сложная, с крутыми поворотами судьбы, была насыщена множеством событий. Были в его судьбе светлые страницы детства и ранней юности, были и мрачные, полные опасности годы Гражданской войны и первых лет эмиграции в Китае, был и успех, творческое признание литературного таланта на Родине, куда он вернулся в 1945 году.

В эмиграции Вс. Н. Иванов написал монографию о творчестве художника Н. К. Рериха, множество стихотворений, рассказов, пьес, философских трактатов и публицистических статей. Эти работы долгие годы были недоступны российскому читателю. Сейчас многие произведения, написанные за границей, переиздаются на родине автора.

В Хабаровске, где Вс. Н. Иванов жил с июля 1945 года, он опубликовал повести о китайской революции: «Тайфун над Янцзы», «Путь к алмазной горе», «Дочь маршала». Широкую известность принесли писателю произведения о русской истории: сборник исторических повестей «Императрица Фике», исторические повествования «Чёрные люди», «Александр Пушкин и его время».

Ещё одна сторона творчества Вс. Н. Иванова — его дневники и записные книжки. Благодаря исследователям творчества писателя они стали доступны широкому кругу читателей.

Биобиблиографический указатель «Всеволод Никанорович Иванов — писатель и философ» — это дополненное издание указателя, опубликованного в 2013 году к 125-летию писателя. В нём собраны и систематизированы сведения о произведениях писателя, опубликованных в 1921–2022 гг. Это публикации Вс. Н. Иванова, вышедшие в свет на территории Советского Союза и Российской Федерации, а также ряд книг, опубликованных в Китае в период эмиграции автора. Книги Вс. Н. Иванова, изданные за границей, отсутствуют в Дальневосточной государственной научной библиотеке, они не просматриваются *de visu*, поэтому в некоторых записях отсутствуют элементы библиографического описания.

Описание отсутствующих в ДВГНБ книг уточнено по библиографическим источникам: **Bakich, O. Harbin Russian Imprints : Bibliography**

as History, 1898–1961. — New York. — 2002, Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае) : библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / сост. Дiao Шао-хуа. — Харбин, 2001, Полански, П. Русская печать в Китае, Японии и Корее : каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета / под ред. А. Хисамутдинова. — Москва, 2002, Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе : каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. В 4 ч. Ч. 1: Китай / сост. П. Полански; под ред. А. Хисамутдинова. — Москва, 2015, Коллекция «русского харбинца» : каталог собрания В. А. Слободчикова. — Москва, 2006.

В указатель «Всеволод Никанорович Иванов — писатель и философ» вошло 340 библиографических записей. Структурно он разделён на три части. Это книги Вс. Н. Иванова и рецензии на них, публикации произведений писателя в периодических изданиях и коллективных сборниках, а также литература о жизни и творчестве писателя. Чтобы наглядно показать этапы развития творчества прозаика, материал в указателе расположен в хронологическом порядке, а внутри года — в алфавите авторов и названий. В указатель включены описания книг из домашней библиотеки писателя (купленных им или подаренных авторами, друзьями и знакомыми), а также полные тексты статей о Вс. Н. Иванове исследователей его творчества, известных хабаровских краеведов и писателей.

Дополняет библиографический указатель перечень основных событий жизни и деятельности Вс. Н. Иванова, блок фотографий из фондов ДВГНБ и Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова и вспомогательный именной указатель. Библиографическое пособие адресовано литературоведам, краеведам, педагогам, студентам и школьникам.

Основные события жизни и деятельности Вс. Н. Иванова

1888, 19 (7) ноября — в городе Волковыске Гродненской губернии родился Всеволод Никанорович Иванов.

1897 — поступил в подготовительный класс Костромской классической гимназии.

1906 — окончил гимназию в Костроме.

1909–1910 — летом учился в университетах Германии — Гейдельбергском и Фрейбургском.

1909 — появилась первая публикация в «Студенческой газете» в Москве.

1911 — окончил историко-философский факультет Санкт-Петербургского университета.

1912–1913 — призван в армию. Вольноопределяющийся 28 пехотного Полоцкого полка (Тамбов).

1913–1914, зима — занимался вопросами философии и русской истории в Санкт-Петербургском университете у академика А. С. Лаппо-Данилевского и Н. О. Лосского.

1914, лето — проходил военный сбор прапорщиком запаса в Ярославле, в июле призван в армию.

1915 — служба в Перми в 107 пехотном запасном полку.

1917–1918 — произведён в подпоручики, работал в либеральных газетах, преподавал в Пермском университете.

1918 — мобилизован на военную службу, вместе с университетом эвакуировался в Сибирь. В Омске с профессором Н. В. Устряловым работал в Русском Бюро печати.

1920 — участвовал в «ледовом походе» — отступлении Белой армии по льду Байкала. Побывал во Владивостоке, Харбине, Иокогаме, Пекине. Вернувшись в Харбин, создал ДИТА (Дальневосточное информационное телеграфное агентство).

1921 — работал во Владивостоке уполномоченным по печати Приамурского временного правительства, издал книгу «В гражданской войне» (Харбин, 1921).

1922, октябрь — эмигрировал в Китай через Корею.

1923 — вышла из печати брошюра «Крах белого Приморья».

1923, сентябрь — переехал в Шанхай, работал над книгой «Мы: культурно-исторические основы русской государственности» (книга вышла в свет в Харбине в 1926 г.).

1925 — работа в советской газете «Шанхай-Гералд», сотрудничество с ТАСС.

1926 — увидела свет «Беженская поэма» (Харбин, 1926).

1927 — издана брошюра «Крах белого Приморья: из записок журналиста» (Тяньцзин, 1927).

1928 — жил в Харбине, работал главным редактором русского издания китайской газеты «Гун-Бао».

1931 — получил советское гражданство.

1936, весна — переехал в Шанхай, получил советский паспорт, работал в советском посольстве, радиокомментатором станции ТАСС.

1945, февраль — возвратился на Родину, с июля жил и работал в Хабаровске.

1948, октябрь — опубликован первый рассказ в СССР в журнале «Дальний Восток».

1953 — издана книга «Тайфун над Янцзы».

1955, июль — закончил писать роман «На Нижней Дебре».

1956 — принят в члены Союза писателей СССР по рекомендации Ю. А. Шестаковой и Р. К. Агишева. В Хабаровском книжном издательстве вышла из печати книга «Путь к Алмазной горе».

1958 — издан роман «На Нижней Дебре».

1963 — в издательстве «Советский писатель» вышло в свет историческое повествование «Чёрные люди».

1968 — в Москве опубликованы исторические повести «Императрица Фике».

1970 — в Хабаровске издано историческое повествование «Александр Пушкин и его время». Награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

1971, 7 декабря — Вс. Н. Иванов умер в Хабаровске.

Трудная судьба писателя (Вс. Н. Иванов)

Прозаик Всеволод Никанорович Иванов был яркой личностью среди писателей-дальневосточников. Он, если так можно выразиться, был не характерной фигурой среди нас. Даже внешне он выделялся: высокий, грузный, с крупным лицом, на котором из-под широких кустистых бровей смотрели светлые глаза. Всегда невозмутим, доброжелателен. Охотно откликался на шутку.

Но дело, конечно, не во внешних данных. И даже не в том, что его манеру письма невозможно было сравнить ни с чьей. Ни другими особенностями его творчества.

На нём как бы лежал отпечаток прошлого, прошлого довольно сложного, с крутыми поворотами судьбы. За его плечами три революции и три войны.

Родился он 19 (7) ноября 1888 года. Его отец был преподавателем графических искусств — были тогда и такие. В том же городе окончил гимназию, а в 1906 году поступил в Санкт-Петербургский университет, где изучал историю, философию, естественные науки. Знания свои совершенствовал в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах (Германия). В 1911 году его призвали в армию, из которой демобилизовался весной 1917 года в чине штабс-капитана. После армии служил в Пермском университете на кафедре энциклопедии и философии права.

А дальше случился коренной поворот в его судьбе, о котором он сожалел всю жизнь. Хотя он был свидетелем революции 1905 года, слушал выступления Я. Свердлова, М. Фрунзе, Е. Ярославского, Октябрьскую революцию не понял и оказался на другой стороне баррикад.

Сказались, по всему, сословные предрассудки (хоть из небогатых, а дворянин), воспитание, да и образование, полученное при царском строе, возможно, и кастовые устои офицерства царской армии.

Во всяком случае, его постигла судьба тех, кто оказался в другом лагере. Служил он кем-то в пресс-атташе при штабе Колчака, подвизался в одном из кратковременных белогвардейских «правительств» во Владивостоке и, в конце концов, оказался русским эмигрантом в Китае.

Там, как он мне рассказывал, занимался многим. Был, например, главным редактором газеты «Гун-Бао» в Харбине, которая

принадлежала китайскому богачу, последние годы работал в представительстве ТАСС в Шанхае и, кажется, в Харбине.

Но, надо отдать ему должное, в эмиграции он быстро понял, какую трагическую ошибку совершил, что не оказался вместе со своим народом, покинул Родину. В результате, ещё в 1931 году, находясь в Китае, он получил советский паспорт, стал советским гражданином.

Быть советским гражданином там, особенно в Маньчжурии, где господствовали японские оккупанты, было совсем не просто. Японские власти всячески притесняли и просто преследовали русских с советскими паспортами. Я сам видел в Харбине специально построенную японцами каменную будку прямо против входа в советское консульство. Из этой будки фотографировали всех, кто заходил в консульство. Таким образом, возвращение Вс. Н. Иванова на родину ещё до начала войны против милитаристской Японии свидетельствует — он это заслужил.

Признаться, в 1945 году я не знал этих подробностей биографии писателя, но что есть такой — нам было известно. Как никак, а в эмиграции он написал немало книг, которые, конечно же, не включил на родине в библиографический справочник «Писатели Дальнего Востока». Например, на одной из таких книг был эпиграф: «Светлой памяти адмирала Колчака».

Не всё, конечно, написанное им в тот период, было таким. Например, такие произведения, как «Дочь маршала», «Императрица Фике», «Иван Третий», «Ночь царя Петра», собственно доработанные писателем, были изданы потом у нас. Да и роман-хроника «На Нижней Девре» первоначально был издан за рубежом.

Тогда же, в сорок пятом, в Харбине от работников советского консульства мы узнали, что Вс. Н. Иванов выехал в Советский Союз. А о том, что он уже живёт в Хабаровске, узнал совсем случайно. В то время в моём подчинении оказалась местная большая и мощная радиостанция. Наладили мы на ней вещание на четырёх языках, а кадры сотрудников были местные. И среди сотрудников, занимавшихся вещанием на русском языке, была одна дама. Она была весьма образована, знала английский, французский и японский языки. Звали её Вера Михайловна (за точность отчества не ручаюсь). Она оказалась полезной сотрудницей. И в начале сорок шестого года, узнав, что я еду в командировку на Родину, подошла ко мне с просьбой: «Я узнала, что Вы едете домой. Там, в Хабаровске,

живёт сейчас мой муж Всеволод Никанорович Иванов. Передайте ему...»

Суть просьбы была деликатной. И я излагать её не буду. В Хабаровск я тогда не попал, побывал по заданию командования в других краях и, таким образом, просьбы её не выполнил.

Впоследствии, когда китайские власти, попросту, изгнали русских эмигрантов, большая часть выехала в Советский Союз. Вернулась и Вера Михайловна. Знаю, что она жила и работала в Казахстане. Всеволод Никанорович Иванов поддерживал с ней дружескую переписку, помогал материально до её кончины.

В писательской организации Всеволод Никанорович Иванов появился впервые в том же 1945 году. Товарищи рассказывали мне потом, что появление его в скромном зале писательской организации было весьма эффектным. Крупный, заметный в любой толпе, он был в чёрном пиджаке с обшитыми шёлком отворотами, белый платочек в кармашке и бант вместо галстука. На фоне собравшихся в скромной одежде того трудного времени он выглядел весьма импозантно.

Откровенно говоря, как он сам рассказывал, положение его было не из лёгких. Настороженное отношение окружающих — эмигрант; незнакомая обстановка и новый образ жизни в давно покинутой им родине; проблемы быта...

Впрочем, к быту он был удивительно равнодушен. Жил он в узкой комнате, чья дверь находилась в ряду других вдоль длинного коридора. Меблировки никакой — из харбинского дома он ушёл, в чём был одет, а скромная зарплата сотрудника ТАСС не располагала к приобретению вещей. Самым ценным в комнате была старая пишущая машинка, на которой он написал все последующие произведения. Возможно, поэтому он часто оставлял комнату незапертой. Никто не покусился на его пиджак с шёлковыми отворотами.

Поначалу, как он признавался мне, ему в этой комнате было довольно одиноко, но постепенно он освоился, поближе познакомился с хабаровскими писателями, они стали заходить к нему в «пенал», как кто-то в шутку назвал его комнату.

Старая пишущая машинка его не бездействовала. Он считал себя литератором и не мыслил жизни без литературного творчества. Но и положение его, самочувствие было не из лёгких. Человеку под шестьдесят. В прошлом немало написано. Были в молодости даже три

книжки стихов, монография «Рерих», изданная в 1936 году в Риге. И большинство из написанного надо перечеркнуть. Начинать жизнь в литературе заново не просто на склоне лет.

Выручала его удивительная работоспособность, которая не покинула его буквально до самой кончины. Большую часть дня, а начинал он его рано, проводил за письменным столом, за пишущей машинкой.

Но он не был аскетом. Когда у него стали выходить книги, а следовательно, появились гонорары, он приходил к нам и приглашал «отдохнуть» за дружеским столом. Приглашал, правда, не всех, а тех, кто ему был интересен. Он сам был очень остроумным собеседником, обладающим огромным запасом воспоминаний о событиях, людях, которых мы знали только понаслышке.

Когда ему городской Совет выделил скромную двухкомнатную квартиру, он был очень доволен. Мы даже удивились, помогая ему перебираться, — сколько книг он успел собрать.

В новую квартиру он переехал с женой Марией Ивановной, которая работала в краевой библиотеке, где они и познакомились. Она была ему хорошей помощницей и стойким охранителем рабочего времени писателя. Она хорошо изучила всех визитёров и знала, кто пришёл действительно по делу, а кто просто поболтать или даже «перехватить» энную сумму для «поправки» здоровья. Впрочем, и сам писатель, если ему мешали работать по пустому поводу, мог прямо сказать такому гостю о необходимости «откланяться».

Но всё это пришло несколько позже, когда начали выходить книги, когда он покинул работу в ТАСС, его приняли в члены Союза писателей и перестали в шутку называть «молодым писателем»... Ведь молодым писателем можно считать человека отнюдь не молодого возраста.

Начиная заново свою литературную страду, писатель обратился к теме Китая. Это было логично и закономерно. За годы жизни в этой стране он хорошо изучил её историю, культуру, быт, обычаи, нравы.

Был в прошлом случай, когда мы признали его правоту спустя немало лет. На одном из писательских собраний мы рассуждали о новом типе «народной демократии» в Китае. И вот подымается Всеволод Никанорович Иванов и спокойно произносит, казалось нам тогда, довольно кощунственные слова:

— Вы не очень-то полагайтесь на китайцев. Я их изучил, посмотрелся. Компартия там в большинстве из крестьян, люди абсолютно тёмные. Там всё возможно, могут ещё так показать себя...

Мы тогда, конечно же, весьма энергично опровергли его, а спустя годы, когда клика Мао Цзэдуна обнаружила свою антисоциалистическую сущность, стала на путь антисоветизма, писатель напомнил:

— А что я вам говорил ещё тогда?

«Крыть», как говорится, было нечем...

Первым литературным произведением Всеволода Никаноровича после возвращения его на Родину стала повесть «Тайфун над Янцзы». Повесть эта была посвящена подъёму революционного движения китайского народа на юге страны в послевоенные годы. Хабаровское книжное издательство тогда поручило мне редактировать его рукопись.

Работа моя с ним началась с того, что я, прочитав рукопись, подобрал несколько новейших книг по Китаю, изданных у нас, и попросил Вс. Н. Иванова прочитать их. Когда он прочитал книги, то вновь забрал свою рукопись у меня и сказал: «Погодите с редактированием, я ещё должен малость поработать. Кое-что надо обдумать ещё раз».

Повесть эта подкупала великолепным знанием материала, образностью и сочностью языка, запоминающимися образами её действующих лиц. Очень сильно в ней написаны сцены вторжения американцев — военных и бизнесменов — в Китай после разгрома японских милитаристов. Они предвкушали, как будут хозяйничать в этой огромной стране, как труд сотен миллионов китайцев принесёт им огромные дивиденды.

Довелось мне редактировать ещё одну повесть Вс. Н. Иванова. Это была повесть «Путь к Алмазной горе». Она также была посвящена бурным послевоенным событиям в Китае. В ней даны полотна ожесточённой, полной лишений и жертв борьбы китайского народа против внутренней реакции, возглавляемой кликой Чан Кайши и против американских империалистов.

Повести были тепло встречены читателями и высоко оценены критикой. Их успех, прямо скажем, воодушевил писателя, придал ему уверенности, а приём в члены Союза писателей сделал его полноправным членом нашего писательского коллектива.

Почему-то литературная критика, отдавая должное писателю при оценке этих повестей, забыла, что фактически обе эти повести Вс. Н. Иванова были первыми произведениями о новом Китае, борьбе его народа за свободу и независимость, что наш товарищ оказался первопроходцем этой темы. Заново перечитав их, я подумал: вот бы издать их в Китае? Прочитав их, многие бы там поняли, какие революционные

цели борьбы, какие идеалы предали забвению нынешние правители этой страны, какого верного друга в лице нашего государства, народа отвергли. И кого они теперь называют своими союзниками.

Далее последовали плодотворные в литературном творчестве писателя годы. Повесть «На Нижней Дебре», в которой немало автобиографичного. Большой многоплановый роман «Чёрные люди», в котором писатель показал себя не только как художник слова, но и как вдумчивый историк. В нём отражены бурные и драматические события 17 века в истории нашей страны.

Вообще Всеволод Никанорович мало ездил в командировки для сбора необходимых материалов. У него была такая масса жизненных наблюдений, пережитого, что в этом не было острой необходимости. Помнится, у него в домашнем кабинете на стене висело написанное иероглифами изречение какого-то китайского мудреца: «Не выходя из дома, знать всё!». Но, работая над романом «Чёрные люди», он изменил своей привычке и немало поездил по стране, побывал в тех местах, откуда начали своё движение навстречу солнцу чёрные люди — рабочий люд Руси. Немалую дань он отдал и работе в центральных архивах над первоисточниками. Побывал и в родной Костроме, где, как он рассказывал, разыскал даже друзей своей далёкой юности.

О многогранности его творчества свидетельствует историческое повествование «Пушкин и его время». Прямо скажем, надо было иметь немало мужества, чтобы взяться за эту тему. Ведь было уже несколько поколений пушкиноведов, изучивших буквально каждую точку, запятую в творчестве великого поэта. Да и художники слова прошлого и настоящего немало написали о классике русской поэзии, нашей национальной гордости.

Всеволод Никанорович нашёл свой «ключ», чтобы по-своему и с исторической достоверностью написать нам о жизни великого стихотворца.

Вообще он любил, страстно любил творчество А. С. Пушкина. Обладая изумительной памятью, он читал нам, даже за дружеским столом, целые главы из поэмы «Евгений Онегин». А память, повторяю, у него была просто удивительной. До самого конца жизни. Он мог прийти к нам в редакцию журнала и в ходе беседы сказать: «А помните, что писал по этому поводу Саша Чёрный?» Саша Чёрный у нас тогда не переиздавался, многие старшие из нас до революции были детьми и, естественно, не только не помнили, но и не знали, что там написал

Саша Чёрный по тому или иному поводу. И Всеволод Никанорович, заметив недоумение на наших лицах, тут же цитировал или произносил стихотворение этого самого Саши Чёрного или другого мало знакомого нам поэта.

Из своих стихов, написанных в молодости, он читал только шутивную «Оду еде». Но читал её только в узком кругу, чаще за праздничным столом, явно считая свои стихи чем-то не очень серьёзным, опытами молодости. Во всяком случае, вернувшись на Родину, своих стихотворных опытов он не продолжал.

В литературном наследии писателя есть произведения и для детей. Это «Весенняя повесть о ящичке на окне» и «Золотой бурундук».

Из ранее написанного он возродил повести под названием «Императрица Фике» и «Дочь маршала». Первая из них — страницы истории России, вторая посвящена довоенной драчке китайских милитаристов и незавидной роли в ней русских эмигрантов. Вновь, переработанные, появились повести «Иван третий» и «Ночь царя Петра». Об этих исторических событиях написано уже немало, отдали дань этой теме большие мастера художественной прозы, но Вс. Н. Иванов подал эти события под своим углом зрения, обогатил новыми красками.

Большой труд писатель вложил в два тома мемуаров. Если они и не будут опубликованы, то всё равно послужат благодатным материалом для исследователей того времени, в котором жил писатель, событий, свидетелем которых он был.

Сам интересный собеседник, Всеволод Никанорович обладал даром уметь слушать других. Очевидно, потому так и тянулись к нему многие из пишущей братии — пожилые и молодые. Ведь заинтересованность в человеке, его судьбе всегда привлекают.

Немало рукописей молодых литераторов он прочитал первым. И старался приободрить начинающего прозаика и поэта. При этом неизменно давал совет, который дал и мне, когда «подталкивал» меня на путь художественного творчества. До этого я занимался публицистикой, темой которой были огромные перемены в странах Азии, начавшиеся в послевоенный период, когда под натиском народных движений начала рушиться колониальная система империализма.

«Всегда помните, — говорил он, — если напишешь — неизвестно, опубликуют или нет. Если не напишешь — известно, не опубликуют».

Признаться, эта его доброта в оценках творчества начинающих иногда даже досаждала нам. Приходит такой начинающий в редакцию

журнала со своим произведением, а когда ему говорят, что оно ещё слабое, то автор обижается и говорит: «А Всеволод Никанорович говорил мне, что получилось».

— Всеволод Никанорович, — как-то не выдержал я. — Ну зачем вы так? Ведь повесть у него не получилась.

Писатель обычно улыбался и отвечал:

— А это уж сам судите — печатать или нет. Пусть пишет, в конце концов, глядишь, и получится. Зачем же ему отбивать охоту. Увольте от такого. Знаете, Бернард Шоу утверждал, что невозможно написать хорошую книгу, пока не напишешь несколько плохих. Вот напишет хорошую и публикуйте.

По-моему, все, кто близко знал Всеволода Никаноровича, согласятся, что он был оптимист по натуре. Настоящий жизнелюб. Его часто восхищало, на наш взгляд, рядовое явление окружающей жизни. Можно только предполагать, что так случалось потому, что явления нашей жизни, нашего мира он мог сравнить, сопоставить с тем, что он видел, пережил за рубежом в годы эмиграции. Ему, таким образом, были нагляднее видны преимущества нашего советского образа жизни.

Он очень любил Россию, наш народ. Любил и природу. Помнится, когда ему позволяло здоровье, он непременно выбирался отдохнуть от письменного стола на даче. Видели бы вы эту «дачу». Обычная барачного типа заимка на берегу Амурской протоки, которую они вместе с писателем Александром Матвеевичем Грачёвым приобрели на двоих. Но тогда там было главное — тишина, водная гладь почти у самого порога, лесной воздух. Правда, в большое половодье вода заливала эту дачу по самые окна.

Бывало, когда мы в выходной день выбирались к ним, то Александр Матвеевич Грачёв — великий любитель и знаток природы, возглавлял экспедицию на противоположный берег протоки за карасями, а Всеволод Никанорович разжигал костёр, кипятил огромную кастрюлю воды, готовил всё для ухи и терпеливо ждал нас.

Может быть, я ошибаюсь, но из всех времён года он больше всего любил весну. Ещё случалось, в феврале, когда выходили из редакции журнала, он остановится, глубоко вздохнёт и довольно проговорит: «Весной пахнет». А потом как-то раздумчиво добавит: «Ещё одной весной...»

Кабинет писателя в его квартире был по размерам не больше кухни в обычном доме. В нём была только койка, письменный стол и

книжные полки. «Мне лишь бы был письменный стол да тишина, — обычно говорил он. — Писатель должен много времени проводить за письменным столом, а не заниматься мелкой суетнёй. Жизнь писателя продолжается в книгах».

Примечательной чертой характера Всеволода Никаноровича Иванова была спокойная уравновешенность. Годы брали своё, появлялись недуги, но мы никогда не слыхивали от него сетования на здоровье. Всегда был любопытен к жизни, интересовался событиями в стране и за рубежом. Верил в светлое будущее вновь обретённой Отчизны. Он очень любил Россию, её народ и всегда считал себя в неплатном долгу перед ними...

23.03.1982

ИСТИНА НЕ ПОСЕРЕДИНЕ — В ДОРОГЕ!

Лишь слову жизнь дана...

И. Бунин

В то последнее десятилетие жизни Всеволода Никаноровича Иванова, когда я его знал, он, даже разговаривая лицом к лицу и вглядываясь в тебя чуть пристально, одновременно другим, глубинным своим зрением, будто высматривал что-то за твоей спиной, далеко-далеко, и как раз то, что мог видеть он один. Как водится за отчётливыми мыслителями, признанными мудрецами.

И сейчас, складывая то, что помнится самому и слыхивал от других, распознавая его просторную, объёмную личность в чрезвычайно непростом, многослойном потоке взлётов и трагедий, противоречий двадцатого столетия, не могу отделаться от мысли: мы только-только начинаем доподлинно распознавать и понимать «деда Иванова», как его прозывали собратья-писатели. А это значит — цельно и в развитии его цельности. Ибо тип, статус и путь этого неординарного человека таковы, что каждый из поворотов в его биографии и мировоззрении, всякая из завершённых страниц его судьбы требуют навыка хорошо взвешенных оценок.

Как и неукоснительности в понимании того, что это же не он оказался рядом с нами, а мы подле него, у его стоп, которыми он отшагал по отечественной, да и мировой истории широко, семимильно и бесстрашно.

И о пройденном им историческом отрезке бытия в именах и событиях негоже толковать ни по прописям старых учебников, ни по утверждениям нынешних процветающих златоустов. И нам, строго говоря, пока дано лишь собирать для потомков черновые наброски, чтобы это уже им, свободным от хоть какого-либо политического лакейства, идеологического невежества, от воинствующей безграмотности и безответственного судейства, от бодрого самомнения и интеллектуального карьеризма, провести, наконец, те умственно полноценные исследования, каких только и заслуживает этот духовно мощный человек — Всеволод Никанорович Иванов...

В ту пору, когда мне было дано встречаться, разговаривать с ним, впитывать его суждения, замечания, высказывания, я не мог по достоинству, глубоко оценивать их, заглядывать в его личность, пытаться что-либо вызнать. Да и сами встречи чаще всего были от случая к случаю. Просто, как водится за юностью и молодостью, всё запоминалось легко и навсегда.

Другое дело — наблюдения и рассказы о «деде Иванове» моего отца, у кого с ним сложились и сохранялись свои литературно-дружеские отношения, долгие и, думается, немаловажные для обоих. Прибавим и слышанное, узнанное по разным поводам от других, тем более — от тех, кого уж нет, а те далече.

И только один эпизод могу выделить особо, когда Всеволод Никанорович пригласил меня, десятиклассника, к себе домой побеседовать. Безусловно, с подачи отца, который сообщил ему о том, что знаю французский язык, французскую культуру и литературу (след школы и собственного интереса), а ещё наверняка и то, что вообще начитан и склонен, как выражались тогда, к абстрактным рассуждениям о человеке, человеческом обществе, добре и зле. Но, скорее всего, у отца была и родительская задумка — не только показать мне крупного, возвышавшегося над всеми в наших окрестностях человека, истинно философа и действующего мыслителя, но и мне показаться перед ним. Для сверки своих представлений о сыне.

Это было весной 1960 года.

Разговаривали в его рабочей комнате с большим числом книг на стеллажах (что, по правде говоря, не слишком удивляло — обширных домашних библиотек тогда было немало в городе). С очень скромной даже для послевоенных времён, но добротной мебелью. С прописанностью обстоятельной умственной работы, в которой для меня был сделан перерыв. Со странной картой за спиной, на стене, — исторического расселения по стране древних народов.

О чём шла речь? О многом. О сути и цели человеческой жизни. Об искусстве и литературе, особенно — мировой классике с её глубиной и горизонтами. О предназначении и месте всякого человека среди других. О человечестве с его ближайшим и дальним будущим.

Воспроизвести нашу беседу дословно сорок с лишним лет спустя — занозистое дело. Могу ручаться лишь за то, как именно разговаривал Всеволод Никанорович со мной, школяром и крайним против него недоучкой: «Вы так полагаете?..», «А на ваш взгляд?», «Но не кажется

ли вам, что...», «И каково же ваше мнение?..». Речевые обороты человека с очень высокой культурой восприятия собеседника, обхождения с ним и принятия к сведению его взглядов. Всеволод Никанорович не упреждал и тем более не подавлял их, не опрокидывал своими вескими суждениями. Вообще не вмешивался в твои представления, а только вежливо и на твоих же глазах раскладывал их по твоим же собственным полочкам и выстраивал из них, наконец, понятную тебе же систему, которая только и могла стать предметом разговора. И аккуратно отводил в сторону воздушные шарик твоих импровизаций и зыбких, пустых или мало чем подкреплённых утверждений.

Откинувшись к невысокой стенке дивана, Всеволод Никанорович говорил неспешно, но не тягуче и без внушительности. У него была речь вдумчивого и несуетного человека, с естественной весомостью каждого произнесённого слова. Речь знатока, кто озабочен не охранением своего авторитета, а доведением своих мыслей до другого. И складывалась не из слов как таковых, а сразу из ясных понятий, надёжно выделанных историей и собственным опытом говорившего.

С тем и поглядывал на тебя Всеволод Никанорович неторопливо, устойчиво, со слегка испытывающей приязнью, с неизбежной и не раздражающей, умной пронизательностью и отчасти, как будто издали, с очень дальней вершины, куда он к этому дню, перевалив на восьмой десяток лет, тяжело взошёл, оплатив каждый из шагов нелёгким трудом ума и совести. В его взгляде чувствовалось равное уважение, как к своим прокопчённым знаниям, так и к твоей пространной, но простительной неосведомлённости.

Он оставил впечатление неостановимо и энергично думающего человека, кто, вопреки трусливому обычаю нашей интеллигенции, не перекладывал своих открытий и познаний с одного выгодного места на другое (в удобном соответствии с «генеральной линией»!), а только накапливал их и расставлял по ходу своей жизни в строго причитающиеся ниши, как и не выкидывал за вредоносной «ненадобностью» из своего мыслительного обихода. И не забывал ничьих полезных сознанию советов и мыслей вместе со ставшими вдруг неугодными собраниями сочинений.

Передо мною был действительно и собрано умный человек, кто благородно не соскользнул ни в менторство, ни в иронию. Высочайшего ранга собеседник, кто оставил не рой потревожено гудящих чувств, а поток увлекающих мыслей. Прокалённая историей личность, кто за

несколько часов разговора ни разу не подчеркнул своей заслуженной и неоспоримой значимости, какой-либо исключительности.

Он поставил наш разговор так, что с самого начала и до конца это был диалог, взаимное исследование того, куда движется и как развивается наш человеческий мир (кто мы? откуда? куда идём?). И это было сделано им настолько изысканно, что мне так и не пришло в голову, насколько же были несоизмеримы наши величины: едва-едва проросший я и он, пробившийся и вымахавший ввысь сквозь обугливающие душу десятилетия и события.

Перед уходом я сфотографировал Иванова своим «Зорким» на фоне карты и в той позе, как он разговаривал со мной: патрициански облокотившись на диванные подушки и умудрённо склонив голову.

Ещё раньше, в конце пятидесятых, я не раз наблюдал его на «усурийской» (на Амурской протоке, за селом Осиновая Речка) заимке, которую они делили, соседствуя стенкой, с писателем А. М. Грачёвым. Слово «дача» тогда не было в широком ходу. Обычнее — старое сибирское «заимка».

Иваново-грачёвской заимкой служил дом на две семьи с отдельными входами по торцам и с копеечными за самодельными, из жердин изгородями, «приусадебными хозяйствами». На ивановской стороне стоял и небольшой флигелёк, где у Всеволода Никаноровича был летний кабинетик, крохотный даже по меркам дальневосточных «классиков» (у Чехова в Мелихове и вовсе барские хоромы!).

Флигелёк несколько раз пострадал от сильных наводнений и по назначению не использовался. Я заглянул как-то: разделён был на две половины: на вполне диогеновскую спальню и на рабочую, со столиком у оконца, обращённого к ярко, в полнеба, и на всю ширину реки полыхавшим закатам, и к тем дорогим Иванову далям, где при его остром умственном, внутреннем зрении легко было разглядеть костромскую родину, исхоженные им улицы Петербурга и Москвы, знакомые бульвары Парижа и степи, и города Маньчжурии, земли, по которым прошла, прокатилась, пронеслась его жизнь.

Обмазанный глиной, белёный изнутри и снаружи, дом стоял на берегу под крутым лесистым склоном. От него давно не осталось и следа. По счастью, по дворовой моде я увлекался фотографированием и не расставался с «Зорким». Есть и снимок ивановской «заимки» с флигельком, с ивановской шляпой, банками, железной кружкой на жердинах оградки и с монументальной фигурой самого Всеволода

Никаноровича, наблюдающего за костром под уху (рыбу ловил неугомонный рыбак Грачёв). На другом снимке он, грузный и массивный, сидит под оградкой на самодельной скамеечке. Рядом Мария Ивановна, его последняя жена, называемая всеми Марь Иванной. И подле них на бревне моя мама и Фаина Ивановна Грачёва. Фаина Ивановна только что выбралась из лодки, босая, с подмоченным подолом, с рыбалки, куда нас завлёл Грачёв. Мама сейчас пойдёт чистить рыбу и вместе с Марь Иванной готовить обед. И только Всеволод Никанорович будет сидеть всё так же спокойно, углублённый в себя. На снимке хорошо видна его крупная голова — отменное вместилище завидных знаний, обширнейших наблюдений и глубочайших умозаключений.

Неспешно расхаживая по своему последнему и весьма непритязательному имению, он ни во что не вмешивался, никем не распоряжался и никому не советовал, как лучше сделать то или это. В его обращении с нами, совершенно не именитыми гостями, не было и малейшей рисовки, тем более изображения живого и требующего почитания памятника, коль довелось общаться и дружить с прогремевшими в отечественной и мировой истории личностями: Николаем Рерихом, Ефимом Репиным, Александром Вертинским, адмиралом Колчаком... Во всём и вся он оставался не поверх всех нас и наших суетных занятий, а только в непоколебимо умудрённой стороне.

Тогда же я впервые услышал его великолепный «шляпинский», звучный и басовитый богатый смех, раскатистое «Ха-ха-ха-ха!.. Ах-ха-ха-ха!..».

Внутри заимки над дверью был пристроен олений рог, и, помнится, мой отец бросил под случай традиционную шутку: «Да не твои ли, Всеволод Никанорович, это рога?» В ответ и покатило к воде обвалом ивановское громогласное «Ха-ха-ха-ха». Марь Иванна только что-то беззлобно буркнула.

Но даже сюда, на заимку, Иванов приезжал со своей великолепной тяжёлой тростью, поджидавшей его всегда у двери на гвоздике. Будучи вовсе не хромым, он опирался на неё редко. Больше помахивал ею в такт шагам, будто вышагивал по Елисейским Полям. Прихватывал и направляясь по берегу в гости на дачу к Александровским или к нам на огород. А Марь Иванна брала сумочку. И они появлялись у нас строгой парой, будто завернувшей с прогулки по Невскому проспекту.

Про «деда Иванова» я слышал с раннего детства. В нашем доме его имя звучало едва ли не всякий день. Отец знал его с сороковых годов.

Они с ним появились в Хабаровске и стали ходить в Союз писателей почти в одну и ту же пору. Как, впрочем, и в редакцию журнала «Дальний Восток». Сходились в том историческом здании на Комсомольской улице, где перебивало столько наших известнейших писателей и поэтов, как и зарубежных, что привелось каждому вешать мемориальную доску — не хватит места.

Их свела здесь сама судьба, накрыв каждого и навсегда лёгким и свежим для души дальневосточным крылом.

Приходы Всеволода Никаноровича на писательские посиделки, различные собрания, встречи, обсуждения, поначалу воспринимались настороженно. Нет, никто не сторонился, но и не спешил сблизиться. Эмигрант из дворян, со знаменитостями знавался. В том не было ни идеологического чистоплюйства, ни политического страха. Житейская опаска: человек-то во всех отношениях из другого мира! Факт возвращения Иванова на Родину в тысяча девятьсот сорок пятом был абсолютно в его пользу, ибо ясно как дважды два: без заслуг перед нею оно бы просто не состоялось или прошло бы, как у атамана Семёнова, под конвоем на заработанный суд. Словом, изрядное одиночество Иванову было гарантировано. Отец же, смолоду открытый всем, очень компанейский по характеру (таких ещё называли заводной человек), легко подходил к любому, коль вызвал интерес. А с умными людьми сходилась и вовсе накоротке. С юности был очень начитанным, подлинный книголюб, не расстававшийся с книгой буквально до самого смертного часа.

С Ивановым их объединяло многое. И знание Харбина, эмигрантской среды, с которой отцу, офицеру спецпропаганды, довелось тогда пообщаться немало. Вспоминал, как к ним, советским офицерам, приходил последний приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти: «Умный мужик, я тебе скажу. Совсем старый, а знания хранил огромные. Всё интересовался, помнят ли его?» Не менее важно: под началом отца там работала жена Иванова — Вера Ивашкевич.

Для Всеволода Никаноровича такой собеседник, думается, был чрезвычайно важен. И вырваться из невольной изолированности в новую и малознакомую ему жизнь с располагающим проводником. И имея дело с типом советского человека, деятельным, жизнелюбивым и развитым, в известном роде экспертом, — получить возможность уточнить свои представления о переменах в стране.

Жизнью заведено: всякий, кто подошёл к тебе и протянул руку в трудные часы жизни, сродни самому лучшему другу!

В том же, видимо, и разгадка его искреннего, не наигранного и тёплого отношения к весьма не красавице — жене Марии Ивановне Букреевой.

Как-то по пути на дачу на катере отец сфотографировал Всеволода Никаноровича, приобнявшего какую-то попутчицу, бабу-дачницу в платочке, круглолицую, бойкую и явно пресимпатичную в молодости. Посмотрев потом снимок, Иванов сказал: «Нет, Василий Михайлович. Оставь себе. Нельзя показывать Марье — заревнует, знаешь».

Былой директор хабаровской краевой «научки» Татьяна Александровна Матвеева поведала, когда я писал эти заметки, что изъян лица Мария Ивановна заполучила ещё до войны. Припоздало, в тридцать два года, вышла замуж, и беда — муж вскоре внезапно умирает от инсульта. Тут и её разбило. И выпала ей вновь одинокая жизнь. А родом она с Алтая, из села Кочки. Окончила пединститут в Краснодаре. В Хабаровске с 1935-го года. Была завучем в 5-й школе. С февраля 1942-го — в краевой библиотеке. Кстати, далеко не дворянского происхождения, из крестьян.

Когда они познакомились, как сошлись в пару, сегодня доподлинно никто не может поведать. Есть лишь факты, из которых можно выстроить более-менее правдивую картину.

С первых же дней появления в Хабаровске Всеволод Никанорович стал ходить в библиотеку. И с осени 45-го и до июня 1946 года работал в ней консультантом по дальневосточной литературе. Ему выделили комнату в бывшей гостинице «Русь» (которую он когда-то как раз таковой и знал!), превращённой в большую коммуналку для интеллигенции (мне в молодости помнится балкон, где известный хабаровский актёр и чтец Мастаченко держал лису). Была, говорят, там комнатка и у Марии Ивановны. Наверняка, коль одинокие, как рыбак рыбака видят издалека, она начала помогать этому незаурядному человеку. Поначалу — в его творческой работе, а затем и в хозяйственных заботах. А такого преданного и незаменимого помощника в делах и в быту не из завоёванных женщин, а из притулившихся сердцем к сердцу — дай бог каждому пишущему!

Марию Ивановну, по причине чьей-то сверхбдительности, вскоре уволили с поста директора библиотеки. А разобравшись повыше, и восстановили вскоре, но уже не на директорской должности. Успела потрудиться и в краеведческом музее, откуда и ушла в 1955-м на пенсию, заступив отныне на бессменное руководство домохозяйством

Всеволода Никаноровича, высвободив ему немало драгоценнейшего времени для писательских дел.

Подвиг не подвиг ли, а сблизиться в ту бурную историческую пору с былым белогвардейцем и остаться при нём до последних дней — незаурядный поступок для любой, а тем более неглупой и хорошо образованной женщины.

Демобилизовавшись в 1957 году, отец пришёл в журнал «Дальний Восток», где до кончины заведовал отделом критики и библиографии. И сидел у чёрного входа, в отдельной комнатке, в весёлой атмосфере вольницы и анекдотов.

Всеволод Никанорович частенько заходил сюда в конце рабочего дня, поджидая на диванчике, пока отец освободится, чтобы по заведённому обычаю отправиться в «наш буфет» — гостиницы «Дальний Восток» (известной Иванову ещё под названием «Эспланад»), где обычно сходились писатели. Пропустить по стаканчику коньяка и поговорить в своей компании от души и по душам. Ему шёл восьмой десяток, он был автором известных исторических романов и самым чтимым на Дальнем Востоке писателем. Общепризнанно — вершиной. Уж кто и как в писательской среде ни говаривал друг о друге, о «деде Иванове» — только с почтением. Между прочим, Иванов был единственным, кто не попадал в строки беззлобных, бурлескно-приятельских стихов, которыми не увлекались в ту пору разве что редакционные машинистки.

Заметим: это были писатели и поэты самой читающей страны в мире, весьма широко почитаемые. И уважаемые даже властью. Имели такое повсеместное признание, что, положи руку на сердце, повесомее любой нынешней премии. Но и сами были далеко неординарными личностями.

Между тем, о своих писательских технологиях говаривали скупно, неохотно. Относилось это как бы к нескромности, а вернее — к сугубо личной жизни. Каждый принаравливался к собственным условиям и обстоятельствам без претензии на универсальность. А молодых отсылали к несокрушимым примерам Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького... И потому всему о творческом укладе Всеволода Никаноровича, к сожалению, много не расскажешь. Трудился, как и весь советский народ, с утра до вечера. По вечерам читал.

По разным отголоскам судя, в правилах Иванова ценились прежде всего усидчивость и кропотливость, как и мужество жёсткой саморедактуры.

В принципе, выбрав историческую прозу при обширности своих познаний, цепкости памяти и незаурядной аналитичности ума, он мог бы строгать романы один за другим, как В. Пикуль. Но уж чего не было, того не было. Нажитая Ивановым мыслительная культура, наработанная умственная квалификация не выносили на дух увлекательной бойкости, имитации и суррогатов. Его вещи, будь то даже о Смуте («Чёрные люди»), в которой путаются, переругиваясь, и учёные-историки, могут быть смело рекомендованы студентам и школьникам в качестве надёжного пособия. История звучит в них не только точно выбранной фактурой, крепко связанными между собой событиями, фактами, но и будто живыми голосами — как известных исторических деятелей, так и рядовых «чёрных» людей, равно. Чрезвычайно непростое это искусство!

Поболее того, Всеволод Никанорович обоснованно опрокидывал иные сложившиеся взгляды, не страшась неизбежной истерики охранной критики.

Книга «Пушкин и его время», написанная для знаменитой серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), была рассыпана в наборе. И впервые вышла в Хабаровском книжном издательстве. Случилось так, что читал я эту книгу после вересаевских размышлений, а скорее — вымыслов. И голос Всеволода Никаноровича, оглядевшего перипетии и повороты пушкинской жизни изнутри дворянской культуры и психологии, прозвучал ярче, убедительнее. Разумнее.

Иванов состоялся мастером не просто исторической прозы, а и самого труднейшего из её жанров — историко-философской. Историю он ощущал и признавал как нашу матушку-природу, сложенную и завещанную предками во всей череде поколений. Осмысливал её самостоятельно. За ним не водилось ни политического лакейства, ни варварства поспешности, ни лукавой беспечности по отношению как к событиям и явлениям давним, так и близким. Он точно так же тщательно отбирал и взвешивал современность, дотошно распознавая, где история ведёт нас за руку, а где просто водит за нос.

Для Иванова история была духом и местом проявления личности (как это предвидели в будущем для всех Кант и Маркс!). Он умел отчётливо различать её даже во вроде бы самых несущественных фактах, даже в самых ближайших окрестностях. Это блестящее для думающего человека качество, зрелую обострённость исторического зрения, он заполучил, думается, не только трудом своего

незаурядного ума, но и пройдя купели, где с ледяной, где с кипящей водой, глубочайших испытаний практической истории с её тяжёлыми и крутыми поворотами, с мучительными для сознания университетами, которые без тех или иных потерь, без боли, гнева или разочарований не одолеть.

В Иванове, вопреки прокоптелости, пропылённости и буреломности доставшихся ему испытаний и перемен, эпохи со сломом миллионов судеб, выстоял и окреп особеннейший человек — настойчиво осмысливающий жизнь не только в самом себе, в ближайших окрестностях, но и во всём Отечестве, как и на всей планете. Человек беспокойный, живущий потоком многих чувств, зачастую внешне противоречивых и заведомо раздражающих рационального западноевропейца. Человек без расчётливости, с душой не бронированной и потому так часто и тяжело страдающей, с истекающей кровью от неизбежных ран, но неизбывной совестью. Тот самый, кого история уже обозначила как безнадёжно русского человека.

Возможно, как раз потому Всеволод Никанорович и взялся за раскрытие одной из самых драматичнейших фигур в русской истории — протопопа Аввакума, как и «чёрных людей» XVII века, кто грандиозно и героически завершил историю Московского царства, подготовив рождение Российской империи. Книга «Чёрные люди» вышла в свет в 1963 году в самом авторитетном издательстве СССР — в «Советском писателе». В издательском представлении книги и писателя отмечено: «Автор подробно и с большой эмоциональной силой рассказывает о созидательном труде “чёрных людей”, потом и кровью своей строивших русское государство. В книге ярко и многосторонне воплощены русский национальный характер, духовный склад русского человека». В те годы эти мысли смотрелись незатейливо, привычно. И не затрагивали сознание так остро, как сейчас. А ведь многого стоят! И оценка в них фундаментальнейшая!

Ещё раньше, в 1936 году, в Риге был издан сборник философских миниатюр Николая Рериха «Нерушимое». Среди них — «Россия». Как ответ на письмо В. Н. Иванова, размышлявшего в своём послании Рериху об уникальности явления по имени Россия. Великий художник и мыслитель просто привёл строки самого Иванова: «Россия не только государство... Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая ещё не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега... Россия — не единая раса, и в этом её сила. Россия — это объединение рас,

объединение народов... это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония... Россия — могучий хрустальный водопад, дугою выющийся из бездны времени в бездну времён, не охваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания...» Донесённый до нас Рерихом философский гимн Всеволода Никаноровича своему Отечеству!

Не исключено, полный текст письма-эссе Иванова и поныне хранится где-то в индийских архивах. Известно, что незадолго до своей смерти, собираясь на родину, Рерих разыскивал хабаровский адрес В. Н. Иванова и очень хотел с ним встретиться. Факт, который не следует упускать из вида.

Но и оказавшись в Китае, где прожил с четверть века, Всеволод Никанорович столь же пристально и вдумчиво вглядывался в принципиально иную, новую для себя жизнь, вникал в китайскую историю, современность, в обычаи и верования, в глубинные приметы. И часто останавливал собеседников в торопливых суждениях, в неумеренных восторгах или в излишних отрицаниях. И настаивал: «Мы Китая по настоящему ещё не знаем и не понимаем. А то, что пишется, толкуется нами о нём — сплошь и рядом поверхностно или ошибочно. Китай европейской мыслью достоверно ещё не открыт, и понимание требует на каждом шагу тщательного и цепкого изучения, квалифицированного и старательного познания. Китайцы и сами-то ещё в полной мере не осмыслили свою страну, не распознали себя в своём историческом движении и во всех возможностях».

Незадолго до смерти, в 1970-м году, Иванов получил и советскую награду: медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Историю этого награждения слышал от отца же, кто был тогда секретарём партбюро единой писательской и журнальной организации. Дело стало не самым простым. Первейшее — убедить товарищей из крайкома партии, от кого прежде всего зависело представление. Потребовались поддержка «большого Союза» — Союза писателей СССР, а там и мнение из ЦК КПСС. С самого начала тут важно было не бояться недоброжелателей и победить сомневающихся.

Надо сказать, далеко не все в партийной власти были теми дураками, какими их сейчас выставляют. Как и в «компетентных органах», без чьей консультации вряд ли могло бы состояться награждение видного эмигранта, тем более, там хранились обширнейшие материалы

Бюро русской эмиграции, вывезенные из Маньчжурии после разгрома Квантунской армии.

Но ни отцу, ни всем, кто его поддержал, наверняка ничего не удалось бы, не будь у самого Всеволода Никаноровича огромного и бесспорного авторитета, накопленного им к этому дню, — признания его деятельности и личности с очевидными заслугами перед Отечеством.

Были и недовольные. Это как же? Юбилейной ленинской медалью того самого Иванова, кто когда-то писал и отзывался о Ленине недоброжелательно? Неусыпные караульщики политической псевдоморали остались внакладе.

Я поинтересовался тогда у отца: как же награду воспринял сам Иванов?

— Знаешь, он не ожидал и был растроган до глубины души. А главное, взволнованнее других: принял по-настоящему, как награду Родины...

Вот восприятие человека, кто однажды потерял её, а затем через непомерную боль и трагедию души прошёл долгий и свинцово тяжёлый путь возвращения, коль преданность ей была искренней, а любовь доказуемой.

Кстати говоря, Всеволод Никанорович никогда не позволял себе в выступлениях этой принародно выставленной, мраморно изображённой патетики, которой безоглядно грешили в те годы бурно, в любой момент и во всяком месте фонтанирующие борцы за «социалистические идеалы», за «интересы Родины» и, конечно же, народа. Он всегда был аристократически выдержан и бесстрашно скромнен. И никогда не оглядывался на лестное или нелестное восприятие себя.

В Хабаровске Всеволода Никаноровича Иванова признавали и ценили уже за то, что, приехав сюда в сорок пятом, он остался навсегда. При возможности вернуться в родные края, за Урал. И сохранял особое, стойкое добросердечие в отношениях со всеми. К нему всякий мог подойти, заговорить, посоветоваться, спросить о чём-то важном для себя. И он непременно легко откликнулся. Не одаривал, как малодоступный заоблачный мэтр, несколькими скинутыми с уст словами и мыслями, а протягивал их вдосталь на открытой ладони.

В домашней, унаследованной от отца библиотеке хранится книга В. Н. Иванова «Чёрные люди» с автографом: «Дорогому Василию Михайловичу Ефименко. Природа дала Вам светлую голову, острый язык, тонкий нос, хороший вкус. Необходимо ещё одно — усидчивая... и Вы

дадите настоящие хорошие книги. На память об авторе — Вс. Н. Иванов, Хабаровск н/Амуре. 12/ХП/63».

Года два спустя после смерти Всеволода Никаноровича я как-то рылся в букинистическом развале одного из книжных магазинов. И вдруг натыкаюсь на книгу из так называемой малой серии «Библиотеки поэта». Да ещё и стихи Ивана Бунина! Немедленно покупаю. И только дома раскрыл — на титульной странице аккуратно оторван уголок. Верный признак — оторван штампик, сташена из какой-то библиотеки. Но библиотекари на этот случай зачастую ставили ещё один — где-нибудь на 15-й, 16-й... И точно, на 17-й есть: «Иванов Всеволод Никанорович, член Союза писателей...». Адрес и телефон. Скромный прямоугольный штампик. Не экслибрис. Чувствовалась рука Марии Ивановны — забота профессионального библиотекаря.

Книга из дома Иванова! От отца знал: Бунин был одним из его любимейших поэтов.

Пролистал сборник. И, верно: тут и там пометки красным карандашом, местами и короткое суждение о строках. Доподлинный, трудный и беглый почерк Иванова, привыкшего к машинке.

Сборник издан в 1961 году. А значит, красный карандаш, пущенный в ход каким-то дорогим переживанием, отзвуком в душе, оставил оттиски того, чем Иванов жил как раз в последнее десятилетие.

Вот пометка в конце бунинского стиха «Запустение». Отмечены строки: «Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе, / Вновь расцвела из праха на могиле». И приписано подле на полях: «Вишнёвый сад». Так Иванов выделил у Бунина чеховский мотив с созвучием трёх глубоких душ — Чехова, Бунина и собственной.

Листаю далее — «Листопад». Со знаменитой бунинской строкой: «И Осень тихую вдовой...». Иванов подчеркнул слово «вдовой». Стихотворение вообще особенное. И тем, что Бунин проставил слово «осень» только с большой буквы, будто обозначил тем бесконечно захватившее его чувство в образе красиво и трагично уходящей в небытие некогда роскошной и насыщенной жизни. И пропитанностью этим чувством всех его строк: «Уж знает Осень, что такой / Глубокий и немой покой — / Предвестник долгого ненастья». «И жутко Осени одной / В пустынной тишине ночной». «Но Осень затаит глубоко / Всё, что она пережила...». «Выходит Осень на крыльцо. / Двор пуст и холоден...». «Туда и Осень поутру / Свой одинокий путь направит / И навсегда в пустом бору / Раскрытый терем свой оставит». И в заключение

длинная строфа грустного и неизбежного прощания с родным лесом при ясном понимании того, чему быть далее: охваченному морозами великому безмолвию, разрушению оставленного дома и навечно личному небытию. «И будут в небе голубом сиять чертоги ледяные». Величайшая, уникальная бунинская песнь неотвратимой смерти — горькой и ранящей живое, необратимой, но и торжественной, в согласии с извечным природным обычаем. И, похоже, сокровеннейшее переживание Всеволода Никаноровича! Да так и случилось: Иванов умер глубокой осенью. Будто ясно предчувствовал.

Ещё пролистываю. Теперь это — «Вирь». Глубоко в северных лесах, в сумрачном ельнике, подле заброшенного скита, укрывается одинокая птица вирь. И случайный путник, слышав на закате её саднящие душу крики, — «Он не покинет те места», где «скорбной песни красота». «Она так жалостно поёт, / С такою нежностью глубокой». Но опускается ночь — «Вирь в темноте тревожно вьётся, / В испуге бьётся средь ветвей, / Тоскливо стонет и рыдает, / И тем тоскливей, тем грустней, / Чем человек больней страдает».

Следующая отметка — «Одиночество» со знаменитым окончанием: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить».

А эта — «На Плющихе», со старым и тепло вспоминаемым домом: «Пол навощён, блестит паркетом, / Столовая озарена полуденным горячим светом...». Всё с тем же закатным мотивом приближающейся к концу жизни: «И снова осень...». «И снова думы: «Оглянуться / Не успеваешь — года нет...».

И рядом — у стихотворения о другом жилище, брошенном всеми после смерти хозяина, старичка-холостяка, куда заглядывает только дворовая кошка. «Дом обветшалый молчал, как могила». «Стол обращён к образам — позабыли, / Стол как стоял, так остался. В углу / Каплями воск затвердел на полу». «Тёмен теперь этот дом по ночам». Стихотворение, наполненное неповторимо русским смешением умной грусти, вселенски доброй печали и надрывной тоски.

А теперь — «Слово». О, этот мощный бунинский гимн человеческому духу — Слово! «Молчат гробницы, мумии и кости, — / Лишь слову жизнь дана...». «И нет у нас иного достоянья! / Умейте же беречь / Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, / Наш дар бессмертный — речь». Кредо душевно здоровых людей, какая бы ни выпала им доля и что ни говорили бы о них современники, как и умственные слепцы из потомков.

И вот любопытная пометка — у поэтической зарисовки «Просыпаюсь в полумраке», с чисто петербургским мотивом: «Просыпаюсь в полумраке. / В занесённое окно / Смуглым золотом Исакий / Смотрит дивно и темно». Иванов подчёркивает здесь и строку «Запах кофе, люстры свет». Сбережённая память о чём-то или о ком-то очень близком?

И вновь прикосновение Всеволода Никаноровича — «Шестикрылый». О мозаике в кремлёвском соборе, подле которого прошло его раннее детство, у деда. Стихотворение обращено к древнему «большезрачному лику», кто вдосталь перевидал за века лиц и событий, чем и запал в юное сознание: «Алел ты в зареве Батыя — / И потемнел твой жуткий взор... / Узрел ты Грозного-юрода...». Там, под куполом собора, застыл Великий Свидетель! Так и самому Иванову довелось пережить немало тяжких исторических происшествий и повидать высокородных юродивых.

Из церковных стихотворений Бунина в книге красный карандаш Иванова ещё отчеркнул — «Архистратиг средневековый» и «Михаил». Оба обращены к Михаилу-архангелу. Последнее любопытнее строками: «Ребёнок, я думал о Боге, / А видел лишь кудри до плеч, / Да крупные бурые ноги, / Да римские латы и меч...».

Не припомню за Всеволодом Никаноровичем сколько-нибудь видимой набожности. Ни тем более той истовой веры, какую ныне заражена наша интеллигенция — полумистически наигранной, а то и полуистерично, по моде на подчёркнутую нравственность, охранной — для защиты от и впрямь смрадной поры. Нет, в Иванове куда зримее преобладало то глубиннейшее человеческое начало, что было здраво отмечено ещё в четвёртом веке до новой эры древним греком Менандром: «Ум в человеке — вот бог его!»

И особо крупно и резко, витиеватыми уголками красный карандаш неспешно очертил стихотворение «Свет незакатный». Сквозь его строки проступает лик изначально любимой и навек незабытой женщины: «И ко мне долетает / Свет улыбки твоей. / Не плита, не распятыё — / Предо мной до сих пор / Институтское платье / И сияющий взор. / Разве ты одинока? / Разве ты не со мной / В нашем прошлом далёком, / Где и я был иной? / В мире круга земного / Настоящего дня, / Молодого, былого / Нет давно и меня!». Стихотворение остро щемящее. Приоткрывает чувство столь сокровенное, о чём глубоко думающему и тонко чувствующему человеку не дозволено всуе заговорить и с самим собой.

Видится, Всеволод Никанорович в эти минуты задержался с чтением, погружённо задумался. Кто вспомнился ему? Первая любовь? Или та, кто с ним прошла и пережила женой столько перипетий Гражданской войны, отправилась в эмиграцию — Вера Ивашкевич?

Заглянув в содержание сборника, можно найти ещё несколько отметок Иванова — против стихотворений «Старик у хаты веял», «Сапан», «О Петре-разбойнике».

Трудно сказать, был ли это некий замысел составителя или просто именно эти стихи у Бунина наиболее художественны, сильны в выражении нелёгких и симфонически богатых переживаний, но едва ли не весь сборник пропитан колко горькими чувствами, звеняще драматичными темами и образами, наполнен бередящими одинокую душу признаниями и предчувствиями, густой и непроницаемой печалью высокорослого человека в пигмейном мире.

Всеволод Никанорович выбрал свои штрихи в мотивах и сюжетах Бунина — раскрытые собственной непростой судьбой (не очень схожей с бунинской!). И, к примеру, вовсе не привлекло последнее стихотворение Бунина «Ночь», обжигающее при чтении всякое живое сердце «мёртвой печалью». Но, должно быть, уже потому, что величайшее жизнелюбие Иванова и его тысячепроцентно доказуемая любовь к Родине были всё-таки куда выше бунинских.

Совершенно случайно и счастливо попавшая мне в руки книга оказалась уникальным путеводителем по душе Всеволода Никаноровича. Она оставила впечатление чрезвычайного одиночества этого редкостно умного, богатейше развитого и совершенно не сломленного испытаниями человека, по кому лишь и мерять его эпоху во всей её противоречивости, но и сути.

Да вот и нам самим выпала пора, которую ещё древние китайцы записали пожеланием врагу: чтоб тебе жить в эпоху перемен.

О, эта наша бездарная и дорогостоящая беспечность! Нам не приходила в голову непреложность того, что именно жулики, как никто другой, горазды и крепки на свойство приспособления, а как раз ничтожества — пробиваться в особы, приближённые к государям-императорам как микрорайонного, так и всеотечественного масштаба.

А Всеволод Никанорович, кто прознал всё это куда раньше, в своём опыте вообще нами не был воспринят и признан, как бы следовало. Мы ведь и не подозревали, какой весомости и значимости уроки он носил в себе и каких же трудов ума и души они стоят! Как шолоховский

Мелехов, он оплатил их тяжелейшими утратами и многопудовым расходом душевных сил. Но он-то уже точно знал, как поступать и что делать, чтобы не оказаться, подобно навозу в проруби, болтающемуся бестолочно от края к краю.

В разгар перестроечных событий и надежд мне довелось выступить в Москве, в Центральном доме медицинских работников, в старинном особняке на улице Герцена. На встрече медицинской и прочей общественности с редакцией журнала «Огонёк», одного из маяков перестройки, куда, бывая в столице, я захаживал к университетскому товарищу.

Мы вышли на сцену. В первых рядах — авангард московской интеллигенции с горящими глазами и беспредельным вниманием к своим глашатаям. И лишь где-то с середины зала начиналась настоящая, более симпатичная столично-интеллигентная публика: тоже внимательная, но вполне критичная и достаточно осведомлённая, как и вежливо настороженная, за чьей реакцией я и стал следить с интересом.

По воле организаторов я был отнесён на конец редакционной саморекламы в качестве географической отметины их усилий и славы. И, пока они по очереди ярко очерчивали грандиозность задач перестройки и своей большой роли в ней, я размышлял: а мне-то о чём говорить? Прислушался к речам большегрузных ораторов и выбрал: а расскажу-ка тем срединным людям о Всеволоде Никаноровиче Иванове — доподлинном и убедительном участнике достоверно «перестроечных» событий!

А вернее — о Высокой Культуре, сберегающей или исцеляющей нас в минуту любой общественной ломки и наверняка сохраняющей в нас ту самую бесценную соединённость чувств и разума с живой человечностью, без чего не удержать ни здоровья души, ни здравия ума, ни здравости поступков. О путеводном выборе, сделанном реальной личностью (другом Рериха, Репина, Вертинского...), кто собственноручно выковал из груды историко-культурного лома отменный и цельный образец растущего в личности просторного человека, бесстрашного в поиске дороги и настойчивого в следовании завещанной Л. Н. Толстым заповеди о том, что жизнь есть увеличение своей души. О выборе им Отечества и Высокой Культуры как двух точек, по которым только и можно проложить наиверную прямую человеческой судьбы.

В общем, расстарался. Это был рассказ о нелёгком и упорном Преодолении: о собственноручном расчищении Всеволодом

Никаноровичем Ивановым своего пути от завалов, обломков и мусора истории — от заблуждений и ошибок самомнения, от ложных истин и внушённых мыслей, от соблазнов поспешных выводов и кажущихся выходов, от обрушившихся на голову противоречий и острых вопросов к себе и к другим. И всё это за тем, чтобы не затеряться самому и не затерять своих изначально путеводных звёзд.

Зал вслушивался. И под честно заработанные аплодисменты, сознаюсь, я вдруг пережил нечто, чего вовсе не предполагал: светлое ощущение, будто сейчас отплатил Иванову добром за добро — за ту встречу у него дома и за наш разговор, за оставленное им тогда чувство благодарности. Знать бы нам обоим заранее, чему однажды случиться — его возвращению ещё более прежнего нужным! Пришли записки. Одна — крупным и правильным женским почерком: «Спасибо за то, что Вы есть!». А уж это было точно — не мне, а ему!

В тот вечер, растревоженный выступлением, тем, как его понимающе приняли совершенно незнакомые люди, кто и слыхивать-то ранее не слыхивали об Иванове, я долго думал о невольном провозвестничестве Всеволода Никаноровича. Я вновь оценивал и взвешивал выстраданную правду Вс. Н. Иванова, кто несколько десятилетий спустя после смерти так надёжно и крепко поддержал меня в человеческой правоте.

А ещё думалось об увлекающей Высокой Культуре.

Уверен, приведись нашим послевоенным правителям с их собраниями не ими написанных «избранных речей и статей» поболее заботиться о ней, а не о безразмерно и всенародно бесхозяйственных стройках, и отличиться в содействии ей, а не в препонах, — не потребовалось бы ни поддельной перестройки, ни фальшивого ускорения (разве что вниз!). А коль и нужна «перестройка», то во имя Высокой Культуры как мерила движения вперёд, а не ради торжества прохиндейства, лизоблюдства и откровенно наглеющего воровства. Не было бы и сумасшедших жертв, будто война катится по стране, и вконец изовравшейся власти, а миллионы сограждан не опускались бы умом до птичьего двора, а нравами и душой — до скотного.

Всему альтернатива — Высокая Культура, коль именно она лишь и есть доказательное выражение развития в имяреке, собственно человека. И только она, как бы нас ни втянуло, ни закрутило водоворотами века, ни швыряло бы щепкой, рано или поздно вынесет к надёжным берегам. И только с нею, пропитавшись до мозга костей её духом,

каждый сам разберётся во всём и вся, чтобы жить далее без ненависти, мстительности и без тыкания в глаза другим этой смертельно опасной для человечества разделённостью «наш» — «не наш», «мы» и «они».

Высокая Культура, куда входят все созидающие, а не разрушающие нас начала, чего ни коснись: политики, идеологии, науки, искусства, образования, любви, дружбы, да много чего ещё, — это и есть наш подлинный человеческий стержень, с которым никого не сломать. Это и есть тот воистину волшебный посох, опираясь на который всегда можно встать с колен или вырваться из топи и грязи, чтобы взойти, наконец, на высокие светлые дороги, пролёгшие от горизонта к горизонту, где всякий человек тебе непременно и непреложно друг, а мерзавцам сроду не было и не будет ни малейшего места. Ибо Высокая Культура рождает в каждом из нас глубиннейшее чувство всевечной общности в человеческих коренных истинах, без которых мы не можем признавать себя людьми. И только они роднят индейца Амазонки с жителями мировых столиц, пытливого ребёнка с признанными мудрецами, а физика с лириками.

Это оттуда, с планеты Высокая Культура, сродни Тунгусскому метеориту, и долетел до нас такой человек — Всеволод Никанорович Иванов. Яркой кометой — осколком некогда весьма обширной и достаточно великой по своим лучшим представителям и творениям дворянской Культуры.

Он был не из тех, кто бежал из России с фамильными драгоценностями, теряя место при царском дворе, высокие чины, поместья, дворцы или доходные дома, фабрики и заводы. Он уходил от того чёрного половодья из дыма, гари и пепла, в котором сгорали не просто дворцы, поместья, храмы, а и традиционная для него Русская Культура, в которой он вырос и стал личностью. И его участие в Гражданской войне никак не было связано с идеей сохранения монархии, самодержавной России. В нём не было ни оголтелости, ни театральности, ни истеричности, ни самообмана, чем сплошь и рядом грешили сподвижники по Белому движению. К тому же он стал свидетелем событий и происшествий, где вовсе не нашлось места идеям возвышенного порядка, а священные хоругви оказались перепачканы кровью мирных людей.

Всеволод Никанорович вступился за Родину, вступился за всю Русскую Классику, коль у него было немало оснований усомниться в её будущем. Умный и проницательный человек, он не мог не видеть, как

русская культура массово перетекала за рубеж, а по той части, что оставалась, покатилося «красное колесо» псевдобольшевиков — хорошо сгруппированной на ключевых постах команды Льва Давидовича Троцкого, кто уже распорядился всем — от ВЧК до Пролеткульта.

С этой точки зрения Всеволод Никанорович не эмигрировал, как другие, поскорее унося ноги, а выносил с собой из разорванной и разорённой междуусобицей страны Великую Культуру, чьих берегов уже не различал на оставляемой родине.

Но именно она же и повернула его однажды обратно, коль он увидел её возрождение. Определила его поступок даже при чрезвычайной цене личных утрат. Но всё же той цене, которую он сумел принять: за возвращение из эмигрантского тупика в отечественное движение Высокой Культуры. И для Иванова очень важно, — прежде всего, русской.

Проверено историей: преданность Высокой Culture непременно и шаг за шагом исцеляет личность. В её важнейшем человеческом содержании. И это как раз она, как сон для Санчо Пансы, может тут и там, в том и этом соединить принца и нищего, но и пламенного революционера с ярым консерватором, да хоть бога и чёрта, отливая каждому, рано или поздно, из подручных материалов истории такую истинно человеческую душу, с которой зажить, как завещал в «Итальянских сказках» М. Горького старый рыбак сыну: будто никого нет выше, но и ниже тебя!

Всё только так: с Высокой Cultureй, в которой Иванов проживал уверенно и безоговорочно, ни при каких обстоятельствах не стать малостью — ни жирным котом, ни ревностным лакеем, ни ноющим интеллигентом, ни забитым чиновником, ни согбенным батраком, ни уголовной мразью. Именно она излечивает сознание, как это прописано ещё Глебом Успенским в рассказе «Выпрямила».

Всеволод Никанорович Иванов был и останется навеки теплокровным и во всём от жизни — неоспоримым доказательством этой непростой и священной истины.

Ему выпала и не самая лёгкая из смертей.

Врач Надежда Владимировна Полищук, оказавшаяся рядом в его последние часы (дежурила в поликлинике в выходной день), рассказывала: «Похоже, у Всеволода Никаноровича был запущенный диабет, о котором он хорошо знал, но избегал говорить. А тут ещё и пневмония. По всем правилам, его следовало срочно госпитализировать.

Мария Ивановна, при её семидесяти годах и нарушениях мозгового кровообращения, стала не лучшей из сиделок».

Утром Полищук приехала проведать. Всё было не так грозно: температура нормальная, хрипы умеренные. Она позвонила днём — никакого ухудшения. И вдруг ночью после полуночи звонок: «Срочно! Отёк лёгкого. Крайне тяжёлый». Вызвали скорую. Иванов оставался в сознании, но ничего не говорил, не произнёс ни слова. Да и как заговорить — задышался.

Он умер в своей постели. Есть такая своеобразная то ли удача, то ли облегчающая нам душу как бы радость за ушедшего человека.

Над его могилой на хабаровском кладбище монументальное надгробие — вертикальная плита аркой с цветком лотоса посередине. Работа Н. Долбилкина, известного хабаровского художника-философа и почитателя Иванова.

Об ушедших писателях принято говорить: остались его книги...

Да, разумеется. Но и личность, если она была, — тоже. Умеющий её читать да прочтёт! Умеющий её слышать да услышит! Умеющий видеть непременно разглядит в дымке истории, чтобы принять своим другом, наставником и передать другим.

Конечно, страну, куда вернулся в сорок пятом Всеволод Никанорович, разрушили и продолжают изо всех сил добывать. И пусть этим разрушителям мерещится, что уже, кроме руин и малозначимых обломков, ничего не осталось. Дело лишь за сменой флагов, символов, названий, праздников. Россия это уже проходила. Вот и сейчас — просто эмигрировала вместе с Высокой Культурой в души порядочных и неглупых людей, где её не достать никаким образом, даже наисовременнейшими средствами массового оглушения. И она будет жить там зерном, которому, минует лихолетье, вновь взойти и заколоситься. В развитой человеческой душе срок хранения Родины не ограничен.

Всеволод Никанорович Иванов доказал нам всё это нагляднейше.

Только же это не всё.

Занимаясь в последнее время накоплениями вдумчивых, углублённых размышлений о человеке, наследием философов и учёных, поэтов, писателей и художников, безвестных творцов народных сказаний и поговорок всех народов и времён — всей этой живой мыслью о нашей общей, истинно человеческой природе, я могу твёрдо ручаться: на рубеже XIX–XX веков именно в России произошёл своеобразный взрыв талантливейших мыслителей. Явление людей типа Леонардо да

Винчи, чьи знания, интересы и открытия оказались столь обширны и опережающи, что мы по сию пору не освоили толком, лишь наиболее доступную часть.

Это Н. Ф. Фёдоров с «Философией общего дела», В. С. Соловьёв с «Оправданием добра», П. А. Кропоткин с «Взаимной помощью как фактором эволюции», М. М. Филиппов с «Философией действительности». Прибавим В. И. Вернадского, Н. И. Морозова, П. А. Флоренского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и дотянувшего до нас своим долголетием А. Ф. Лосева. Можно привести ещё имена, не чуждые уху образованного человека. Людей особого порядка — взволнованного и действующего ума, неутомимых в осмысленном поиске Истины и в целенаправленном одолении Невозможного.

Ни на йоту не схожие друг с другом, они сошлись в глубоко вочеловеченном действии своего разума, в мастерстве познания и в отточенности накопления пластов Высокой Культуры. Их прорыв, уверен, будет оценён по достоинству как уникальный «русский штурм», рывок русской мысли в области интеллекта и в ту пору, когда и другим народам доставало талантов и шедевров.

И, на мой взгляд, как раз здесь, в его русле, утвердились личность и деятельность Всеволода Никаноровича Иванова с их направленностью и наполненностью. И это очень важно иметь в виду при определении их истоков, места, содержания, его пристрастий и пути.

Имея законное право на наше признание, он, сподвижник деятелей «русского прорыва», давно нуждается не в убого политических восторгах или в похвалах по моде и в угоду времени, а в понимании своей обширной цельности и высоты главных человеческих мотивов, которые позволили ему прошагать из края в край по отпущенному веку с неуронимым достоинством и с царственно поднятой головой.

С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ
(воспоминания библиотекаря
о Всеволоде Никаноровиче Иванове)

Когда я думаю, что же мне рассказать о Всеволоде Никаноровиче Иванове, как вспоминать его, то мне хочется вспомнить старую истину, что большое видится на расстоянии. Вот именно с этой позиции я и хочу сейчас заговорить о нём: о человеке очень большом!

1958-й год. Первый год моей работы в Хабаровской краевой библиотеке. Я была тогда в отделе обработки книг и каталогов. И однажды, это был то ли октябрь, то ли ноябрь 1958 года — я не помню точную дату — меня вызвали к директору. Надо знать кабинет Масюка: это большая комната с массивным старинным столом в центре и креслом. И первое, что я увидела, войдя, это массивного, высокого, большого человека. Но что интересно: притом, что он был массивный, он не создавал впечатления толстости. Он не был грузным. Это был единый монолит, какой-то очень чётко скроенный, слаженный, сидящий спокойно и уверенно в кресле человек. И ещё. Сразу бросалась в глаза его осанка: прямая спина, высоко поднятая голова. И пока я его разглядывала, подходя к столу, Михаил Семёнович говорит: «Всеволод Никанорович, это наша новая сотрудница Евгения Михайловна Рудневская. Она библиограф, училась в Москве. Но думаю, что вам ещё будет интересна и тем, что она киевлянка. Только что приехала из Киева. И я поручаю ей работать с вами, оказать вам помощь в поиске нужных книг, нужных материалов». (Я же была библиографом, и мне было легче отследить по книжным летописям, что выходит вообще).

И пока меня представляли, я увидела глаза, глаза которые... Нет, они не были грустными, они не были и весёлыми, но они были такими тёплыми. И я точно поняла, что он всё про меня знает, он всё во мне понимает. Вот это чувство, что он всё знает и всё понимает, было на протяжении всего нашего знакомства. И на протяжении всего нашего знакомства я совершенно точно могу сказать, что для меня это был удивительный барин. Барин из лучших страниц русской классики и в лучших кадрах кино. И дело не в том, был дворянином или не был? Он был таким по сути своей, по характеру. И когда Всеволод

Никанорович шёл по улице, люди приостанавливались. Я это сама неоднократно видела. И он кивал даже тем, кого не знал. Но то, как он шёл — вокруг него уже была аура. Сегодня, с позиций времени, я уже понимаю, что эта прямая спина — офицерская спина. Он был офицером с Первой мировой. И этот высокий лоб и крупные черты лица вызвали сразу же безусловное и огромное уважение.

Да, был барин, кто сидел в кресле и командовал парадом. А был барин, который ещё читал, учил. Вспомним декабристов, которые приехали в Сибирь и отдавали коренным сибирякам свои огромные знания. Вот к этому числу людей и относится Всеволод Никанорович. С каждым годом я в этом всё больше убеждаюсь.

Сама его биография уже может стать романом. Романом не очень лёгким. Ведь то, что он пережил — это целый пласт жизни русской интеллигенции. И неважно, уезжали или оставались в России, но это пласт, который красной чертой прошёл им по сердцу и по душе. Более того, те, кто уехали, эти помнили и жалели тех, кто остался здесь. А те, кто оставались, ведь большинство старались забыть всё, дабы не пропасть и сохранить своих детей. То есть быть в стороне. Это во-первых. А во-вторых, они, в лучших представителях русской интеллигенции, до конца оставались верными своему долгу перед Родиной. Где бы и кем ни служили.

Офицерская присяга Иванова — она с ним оставалась до конца. Да, он ушёл с Белой гвардией. Но ему хватило мужества, убеждённости, умения философски осмыслить Белое движение, чтобы объяснить себе и другим, почему же оно потерпело поражение. Это мог только сделать человек, который великолепно знает историю своей страны, историю других стран. А это тоже естественно для него. Вспомним, что за ним — два германских университета и петербургский. Ведь всё, чему он выучился, он выдал в своих произведениях.

У нас сложились какие-то такие отношения... В принципе, он к нам, библиографам, очень хорошо относился, хотя называл нас всех барышнями. Как бы снисходительно. «Барышня, посмотрите, на этой полочке у Брокгауза и Ефрона есть то-то и то-то. Уточните, правильно я говорю?» Но по сути дела, мы по возрасту и были для него барышнями. И было ничуть не обидно.

Я к этому времени вроде бы человек грамотный была, окончила институт и выросла в интеллигентной семье со знанием литературы, истории, но когда читала его книги, для меня открывалась новая

сторона жизни. Я хочу сказать о его трилогии. Его всегда интересовали вопросы государственности, создания государства, история государственности. И вот, будучи далеко от России, он продолжает об этом думать. В результате имеем «Чёрные люди», «Ночь царя Петра», «Императрицу Фике». Имеем историческую трилогию. И что самое главное, мне кажется, в этих книгах, помимо сюжета, помимо содержания, помимо великолепного русского языка, есть великий смысл. Это не просто авантюрное чтение или занимательные исторические повести, к каким мы привыкли у того же самого Данилевского или у кого-то другого. И каких много сейчас. Книги Иванова стоят особняком, потому что они необыкновенно насыщены малоизвестными фактами, документальной основой. Ну не все же мы читаем летописи, чего греха таить. Кто из нас их читал? А тут прямо кусок летописи. Или письмо, написанное кем-то, или какой-то документ, изданный Петром. Или та же самая императрица Фике, Екатерина Вторая. Всё совсем по-другому. И поэтому это книги, которые заставляют думать. Не просто читать, а размышлять и принимать свою точку зрения. И тем Иванов навсегда останется великим писателем.

Вот «Александр Пушкин и его время». К этому времени уже был издан академический многотомник самого Пушкина с комментариями наилучших из пушкинистов, изданы и переизданы записки очень многих его друзей и современников. Напечатаны заметки Вересаева. Вышел «Русский мемориал» — это двухтомник. То есть было очень много литературы, которая рассказывала нам о жизни Пушкина и его эпохе, окружении. И когда Всеволод Никанорович меня попросил собрать пушкинские материалы, копать их, а занимался он этим лет пять, если не больше, я так, честно говоря, подумала и даже говорила своим коллегам: «Ну что ещё нового можно сказать о Пушкине и том его времени?»

Иванов интересовался всем: указами, собранием законов и многими такими документальными вещами, которые, казалось, никакого отношения к Пушкину не могут иметь. И когда мы читали его первую рукопись, он нам её сам давал по частям, чтобы мы посмотрели. Но когда начали читать, совсем по-другому воспринималось. Вот Осипова. Очень часто о ней приводят пример. И везде, что и кто ни написали бы о ней, о Пушкине ли, как правило, приводят одни и те же сведения, ну, плюс или минус строчка, одни и те же воспоминания и письма. Он же приводит письма Осиповой совсем иные, которые она

написала и другим людям. И я прекрасно понимаю, что авторы пушкинианы тоже знали эти письма. Но посчитали их идеологически невыгодными. Как мы знаем Пушкина и Николая? Но вот, пожалуйста: Пушкин был камер-юнкером, и Николаю очень нравилась его жена, и потому вот он так небрежно спросил: «Как же она сейчас? Идёт ли ей траурная лента?..» А что мы знали о Натали? Мы знали, что она кокетка, первая петербургская красавица и увлекается модой, светскими посиделками. И всё. Иванов же нам показывает удивительную жену, хозяйку дома, которой нужно точно узнать, как идут дела на Полотняном заводе, какой урожай, какие и где нужно собрать деньги, куда и как их распределить? Она была хорошей хозяйкой своего большого дома, где ещё и незамужние сёстры проживали. Вот какой он нам её даёт. И потом: почему никто из нас никогда не задумывался: если она такая вся из себя ветреная, как мог Пушкин последними своими словами просить, чтобы ей помогли? Ей будет так тяжело с детьми. Умиряющий человек с таким уважением и с такой заботой говорит о жене! Почему же он так пожелал? И Всеволод Никанорович нам очень спокойно объясняет семейные отношения этой большой семьи, которые сложились по определённым правилам. Это не значит, что она не бывала на балах. Это не значит, что она не нравилась другим. Но это значит и то, что она была и другой, которой мы её не знаем. Когда читаешь Иванова, начинаешь думать: ну почему же всего этого нет в таком большом количестве книг о Пушкине? Совсем нет. И вот мы уже подругому смотрим на Пушкина, на время, в которое он жил. И уже нет этого благостно иконного Пушкина. И его иконных друзей. А это просто нормальные люди с нормальными судьбами и нормальными отношениями. Люди, которые живут не на публику, а для себя, для своих близких. Такие они по натуре. Нет и налёта публичности. Как сейчас модно говорить, гламурности.

Может быть, это в какой-то степени и принизило ореол пушкинский. Для кого-то. Но для большинства людей, которые прочитали это произведение, Пушкин стал гораздо ближе. И роднее. Вот для меня, например, для кого Лермонтов был более любим и ценен. После чтения Иванова я на Пушкина посмотрела с другой стороны. Даже какие-то его вещи перечитала. И, думаю, не я одна.

И, конечно же, и для нас, и для Иванова это был последний удар, когда он получил официальную внутреннюю рецензию московского издательства. От Гроссмана, если не ошибаюсь, от имени пушкинистов

разгромный отзыв. О принижении Пушкина, о восхвалении века. Такое впечатление сложилось, что просто не нужен лишний соперник, кто может быть гораздо сильнее, гораздо интереснее. Который не идёт за модой и за политикой. И не подтасовывает факты под политику или идеологию, а даёт их такими, какие они есть.

И очень жаль, конечно, что книга тогда не вышла. Мне думается, что если бы сегодня кто-то из серьёзных и критиков, и пушкинистов посмотрели бы на этот роман, то он бы сразу занял достойнейшее место в системе координат пушкинианы. Ничуть не повторив никого другого, не оттеснив, не обидев. Сделав именно своё дело. Это вот, что касается литературы.

Ну а тогда, в первый день, когда Масюк закончил разговор, представил меня, он сказал: «Очень приятно, барышня. Будем знакомы». «Барышня» меня, конечно, как-то удивило. Я улыбнулась. «Давно из града Киевского?» Я говорю: «Да. Два месяца тому назад я приехала». Я в августе приехала, значит, это было где-то в октябре. Он сказал: «Люблю ваш город. Давно в нём не был». И всё. И больше ничего. Я только потом, уже спустя какое-то время, познакомившись с ним поближе, поняла, что я в силу своей глупости по молодости не поняла тоски вот этой фразы. Какой-то удивительной...

А потом прихожу я в отдел, рассказываю, что познакомилась с Всеволодом Никаноровичем Ивановым, старейшим, как мне сказал Масюк, писателем. Мне тут же прибавили: и мужем нашего бывшего директора... Так я узнала имя Марии Ивановны Букреевой и кто она, какая. О ней говорили: не коммунистка, а большевичка! И вот что же так связало этих двух совершенно несхожих людей, непонятно. Но мне думается, что эта непонятность не только у меня была — у всех, с кем он общался.

Сейчас-то хорошо понимаю простую вещь: как мало я с ним общалась! Как мало мы с ним разговаривали! Он, кстати, очень много рассказывал. И когда он приходил к нам, и когда я у него была, приносила книжки, он всегда много рассказывал. О Китае. Об истории. О культуре. Тогда же я узнала не просто о Рерихе, о том, что глубоко объединяло этих двух незаурядных людей до мозга костей — любовь к России.

Помню своё первое появление в квартире Иванова. Всеволод Никанорович в большой рубахе. И всё-таки это барин у себя дома. Человек, который где бы он ни был, всегда имел удивительную опрятность, в чём бы ни был одет. Никакого парфюма. От него удивительный запах

чистоты и теплоты. Это всегда было с ним. Ну и квартира. Я попала в большую комнату, разделённую условно на две части. Одна справа, как бы гостиная. С обеденным большим столом, где можно покушать, пообщаться. И левая часть — рабочий стол Всеволода Никаноровича. Больше ничего. Но здесь был и совершенно другой мир, Такое ощущение сразу возникало. На полу и с одной стороны стола, и с другой — стопки книг. Причём, как он в них разбирался, я не могу понять. Кучи книг. Такое впечатление, что уже некуда их поставить. Он говорит, что надо поменять книги, и в одну сторону нагнулся, что-то вытащил, потом с другой. Можно было подумать, что он на память знает, что у него в каждой стопке лежит.

И на самом видном месте, сбоку от стола — громадный-громадный календарь, посвящённый 300-летию дома Романовых. Но красного цвета. Выше меня поразила картина: там дарственная была: «Дарю. Репин».

Я спросила, почему этот вот календарь на почётном месте. И тогда Всеволод Никанорович рассказал мне такую историю. В годы Первой мировой войны он был тяжело ранен, находился в госпитале. И говорит: «Представьте себе: я сижу в рубашке исподней, в накинутом на плечи халате, с перевязанной рукой. И в это время входит царствующая императрица». Я его спросила: «Жена Николая?» «Нет, его матушка. Входит и поздравляет всех, вручает мне Георгия. И говорит мне: “А вы знаете, что такое офицеру получить Георгия?”» Я знала, что есть солдатский Георгий. Говорю ему: «Это, наверное, очень почётно?» «Это не просто почётно, — отвечает, — это очень важно. Это самый главный в моей жизни военный подвиг, за который мне вручили Георгия. И вот мне прямо на халат цепляют. И она тут же поздравляет, желает мне здоровья и прибавляет: “От Николая Александровича и от меня вам подарок. Это в честь нашего 300-летия выпущен календарь”. И вручает мне этот календарь... И он всегда со мной, где бы я ни жил».

Встречи у меня с ним были несчастными, но они были всегда такими очень доброжелательными. И всегда он меня что-то спрашивал, а я ему что-то рассказывала о себе, о семье, о Киеве. Мы часто говорили об улицах Киева, который его интересовал до глубины души. По-настоящему. Его интересовало, и почему папа преподаёт только русский язык, а не украинский, и почему мама — она воевала, а не является участником войны. И так далее, и так далее. Почему бабушка, дедушка... Я показала ему выписку из памятной книги Киева, где стоит имя моего деда. Какие-то мои личные дела его интересовали как свои.

А потом у меня так сложилось, что в 60-м году мне нужно было ехать в Киев рожать Юлечку. А я ещё и тяжело болела. Денег не было. И мне сказал Грачёв: «Иди, попроси Деда, он тебе даст». Ну я и пошла. И говорю: «У меня, Всеволод Никанорович, вот такая беда. Вы мне могли бы одолжить денег?». Он говорит: «Хорошо, я дам денежки. Но вы мне напишете расписку».

Вот знакомые друг с другом люди, и он мне говорит: «Вы напишите мне расписку». Я понимаю, что расписки — это принято так. Но он увидел выражение моего лица и говорит: «Деточка, понимаете, вот Мариванна очень волнуется, когда я деньги одалживаю. Она говорит, что я могу в любой момент умереть, а деньги ей не вернут. Поэтому уж, пожалуйста, напишите мне расписочку». И зовёт её: «Мариванна! Вот Женя пишет расписку, что я даю ей деньги. Смотри, я даю ей деньги. Вот тебе её расписка».

Вообще Мария Ивановна была очень негостеприимным человеком, нелюдимым и вот даже как-то внешне... Короче говоря, я была, конечно, в шоке. И тогда я узнала: он мне впервые сказал о том, что у него в Киеве живёт сестра. И у меня, сколько ни прокручиваю в памяти, почему-то всплывает имя Зои... И живёт на Большой Васильковской. То есть на Красноармейской, но для него это была Большая Васильковская. Он объяснил, что это рядом с Троицкими банями. Буквально дом во дворе. Он дал координаты, и я пошла. До родов я не могла, потому что лежала в больнице, а вот когда уже немножко оклемалась, зимой, это было где-то в декабре 60-го года, я пошла туда. Я нашла этот дом. Нашла третий этаж. Нашла эту квартиру. Всё это я нашла. Я там спрашивала: «Вы знаете, ищу по просьбе моей бабушки вот такую-то, а фамилии не помню». Таким образом я и попала в коммунальную квартиру, где она жила. И первое, что она мне сказала: «Я такого не знаю. Мы с ним не знакомы». И я поняла, что она испугалась. Чего она испугалась? То ли того, что я на неё что-то могу донести? Или смогу как-то повредить её образу жизни? Не знаю. Потом, через какое-то время, когда я говорила об этом со своей бабушкой, та сказала: «Понимаешь, она так настрадалась, наверное, за это время, что он уехал в эмиграцию, что он жил в эмиграции, и должна об этом написать где-то в своём учётном листке, что ей уже не до того». Но это так — домыслы. Гипотеза.

Она была такая же высокая, как он. Очень высокая женщина. Рослая. Самое интересное, что она не горбилась. Одета очень по-монашески.

В скромном тёмном платье. Накинутый платок. В чертах лица я искала сходство с Всеволодом Никаноровичем, но не нашла. Они были мягче, у неё был курносый нос, более узкие глаза, ближе посаженные к носу. И очень тонкие губы. То ли от болезни, то ли ещё от чего-то, то ли от времени или от привычки поджимать, но именно тонкие губы. И за всё время — а я её несколько раз видела — я ни разу так и не услышала её смеха. Ни разу. У меня сложилось впечатление, что это глубоко несчастный человек. Мы некоторое время ещё проговорили, и я сказала: «Знаете что: я ещё буду в Киеве, я вам привезу книжку, если хотите. Почитаете. Может быть, вспомните».

Я тогда ещё не знала, что сам он не киевлянин. Я потом только узнала его биографию подробнее... Словом, вернулась, рассказала: «Знаете, у меня была какая-то непонятная встреча». Всеволод Никанорович говорит: «Ну, бог с ним! Бог с ним, не переживай, деточка». Я ему отдала деньги. И опять же: «Мариванна, дайте-ка мне расписочку. Деньги у меня». И при мне: «Ну, деточка, я её рву». Это был для меня урок на всю жизнь.

В 1964 году, когда выяснилось, что у Ванечки (сына Е. М. Алёнкиной — ред.) порок сердца, Всеволод Никанорович мне говорит: «Езжай в Киев». Я ему совершенно открытым тестом: «У меня нет денег...» Он: «Я тебе даю деньги. И дам тебе столько, сколько тебе надо». Но тогда я в Киеве была буквально неделю. На приёме у Амосова. И к его сестре пошла моя мама. Узнать, как она себя чувствует и передать от меня привет. Извиниться, что я к ней не пришла. Они очень хорошо поговорили. Мама с моих слов знала Всеволода Никаноровича. И ей всё рассказала. И та говорит: «Да, конечно. Наверное, у меня был такой брат, но я его не помню». Мама: «Да, время уходит...» Она говорит: «Я всю жизнь прожила в этом доме и в этой квартире. Только раньше у меня была квартира, а сейчас маленькая комната». Это действительно была очень маленькая комната. Я её хорошо помню. Очень убогая: ничего, кроме шкафа и стола, и ещё радио такое — чёрный диск довоенный. Я рассказала Всеволоду Никаноровичу, и он говорит: «Я ничем не могу помочь». Когда в 1966-м я с Ванечкой приехала в Киев на операцию, её уже не было в живых.

Он был потрясающий рассказчик. Вот когда Всеволод Никанорович бывал при мне в редакции журнала и они оттуда собирались в буфет «Дальнего Востока», я всеми правдами и неправдами старалась там оказаться, послушать, что и как он рассказывал. А как он

читал стихи! Казалось бы, без всякого выражения, никакой интонации. Даже, скорее всего, была одна интонация, но так, чуть тише, чуть громче, чуть медленнее как бы. Это потрясающе было! Рассказчиком и чтецом он был великолепным и с удивительным чувством юмора. Вот ему 75 лет. Юбилей мы празднуем в библиотеке. У меня есть даже фотография, где я его поздравляю. Потом ответное слово юбиляра. И что он сказал? Он начал читать стихи. О пище. Как хорошо сделать такой громадный стол, с таким огурчиками, с такими селёдочками, с такой картошечкой. То есть стихи: вот такой стол, достойный юбиляра. Все хохотали. Все смеялись. Все аплодировали. И никаких панегириков, никаких восхвалений, ничего. Потому что только начинали... Он говорит: «Ну да! Да! Крылышки вырастут». Я с тех пор это говорю себе и кому-то: «Крылышки вырастут от восхваления».

Да. Почему в моей семье его прозывали дедом? Родился Ванька. И Всеволод Никанорович встретил нас на улице с коляской: «Матушка, ты что по улице гуляешь с коляской? Почему не в парке до сих пор?» Я говорю: «Да вот пока задержалась. Сейчас идём в парк, всё». Проходит какое-то время, и он звонит: «Вот у меня есть заимка на Амуре. Забирай детей, бери пищу и поезжай. Детям нужен свежий воздух, солнце и водичка. И ничего больше». Я говорю: «Всеволод Никанорович, но это же...» Он говорит: «Я тебе сказал? Мои внуки должны быть здоровы». Вот с тех пор я его так и звала — дед. И когда мы виделись, я рассказывала ему о своих детях: вот Юля то-то, Ваня то-то. И так далее. И он настолько интересовался, как росли ребята, что как действительно настоящий наш дед.

Так случилось, что свои первые рассказы Проскурин принёс показать нам, краеведам. Его прислал Н. М. Рогаль. Может, рассчитывал, что скажем что-то резкое и этот лесоруб перестанет заниматься писательством. Но мне позвонил Василий Михайлович Ефименко и сказал: «Женя, обрати внимание, пожалуйста. И, если можешь, помоги ему. Посмотри, что там». Ну, я говорю: «Конечно, Василий Михайлович, посмотрю». И я прочитала. Интересный сюжет, но уж такая безграмотность — без знаков препинания, без всего... И при первой же встрече с Всеволодом Никаноровичем с присущим молодости максимализмом заявляю: «Боже мой, вот такой... и хочет быть писателем!» А тот говорит: «Ну, пусть пишет. А знаешь, принеси-ка его рассказы. Я почитаю. Только не говори». И я принесла. Вот он прочитал его и говорит: «Пусть пишет. Он — напишется. Только не знаю, как, в какую

сторону...» И как в воду глядел! А ведь первые рассказы Проскурина были — ну, мягко говоря!..

Когда я делала биографический сборник «Писатели Дальнего Востока», я часто ругалась. И особенно по поводу первых писателей, из уже стариков, потому что тот вовсе не ответил, этот не захотел ничего о себе сообщать, а третий ещё и нахамил. И что делать, как быть? Как-то пожаловалась Всеволоду Никаноровичу. Он мне и говорит: «Ну и что? А ты вот напиши то, что ты знаешь. Ему не понравится, пусть тогда сам на себя пеняет».

Когда он умер, я даже об этом не знала... В конце ноября 71-го года мы с Ваней легли в больницу. Выяснилось, что у Вани рак, необходимы операции. И до апреля 72-го я практически была безвыездно в больнице.

Киев. 2011 г.

Запись Ю. В. Ефименко.

**Вс. Н. Иванов и Дальневосточная государственная
научная библиотека**

Всеволод Никанорович Иванов появился в Хабаровске в июле 1945 года и сразу стал заметной фигурой в городе. Это был неординарный человек как внешне (высокий, крупный, с величественной осанкой), так и по редкой притягательной силе, которой он обладал. Повышенное внимание подогревалось и многочисленными легендами, окружавшими этого человека: бывший колчаковский офицер, проживший в эмиграции более 20 лет, за плечами которого были три революции и три войны, знаток Китая, известный писатель и публицист.

С первых дней появления в Хабаровске Вс. Н. Иванов стал читателем краевой научной библиотеки. Здесь он познакомился с её директором Марией Ивановной Букреевой, вскоре ставшей его женой.

С библиотекой у писателя сразу сложились тесные связи. С осени 1945 до июня 1946 года он даже был сотрудником библиотеки — консультантом по дальневосточной литературе. Старшее поколение библиотекарей отлично помнит Вс. Н. Иванова — читателя. Он особенно часто бывал в отделе библиографии, и заведовавшая в то время справочно-библиографическим отделом Галина Фёдоровна Малиновцева вспоминала, подчёркивая очень уважительное отношение Вс. Н. Иванова к библиотеке и её сотрудникам, что общение с библиографом он начинал, только узнав его имя и отчество, и никогда их не забывал. Всегда был галантен, аристократично вежлив, поражал широтой кругозора, глубиной познания в различных сферах, удивлял знанием фондов библиотеки. В последние годы часто звонил из дома и просил уточнить окончание фразы из такой-то энциклопедии, на такой-то странице и тут же, произнося начало фразы, внимательно слушал, никогда не записывая, всё запоминал. Чаще всего пользовался словарём Брокгауза и Ефрона.

Почтение к научной библиотеке Иванов не утратил до самого конца своей жизни. Сохранились фотографии с последнего, 80-летнего юбилея писателя, который традиционно проходил в библиотеке. На снимках Всеволод Никанорович на фоне книжных стеллажей принимает поздравления от писателей В. Александровского, В. Ефименко,

Г. Ходжера, цветы и поздравление от научной библиотеки вручала главный краевед Е. М. Алёнкина.

После смерти писателя, 7 декабря 1971 года была создана комиссия по творческому наследию Вс. Н. Иванова, куда входили и сотрудники Хабаровской научной библиотеки. Известно, что у Вс. Н. Иванова была большая домашняя библиотека, очень много редких книг. Все ценные издания бесследно исчезли. Говорят, их увёз (или продал) племянник М. И. Букреевой. Если так, то где-то, возможно, обнаружатся книги с пометками Иванова и его личным штампом, который ставила жена, Мария Ивановна Букреева, по всем правилам библиотечной практики: на титульном листе и на 17-й странице. Так случилось с хабаровским писателем Ю. В. Ефименко, который года два спустя после смерти Вс. Н. Иванова случайно в букинистическом магазине на улице Карла Маркса купил томик стихов Ивана Бунина и только дома с изумлением обнаружил на 17-й странице штампик: «Иванов Всеволод Никанорович, член Союза писателей...» и адрес с телефоном.

Часть библиотеки Иванова была куплена Хабаровской научной библиотекой. Все книги, приобретённые у М. И. Букреевой после смерти Вс. Н. Иванова, имеют ещё и штампы букинистического магазина, через который прошла продажа. В те времена библиотека не имела права выкупать книги у частных лиц и покупку оформили через букинистическую торговлю. В общей сложности в Хабаровской научной библиотеке хранилось более 1 200 книг из собрания Вс. Н. Иванова. А. Н. Маслова, старейшина библиотечного краеведения на Дальнем Востоке, писала: «Это, главным образом, издания 1950–60-х годов; все помечены владельческой надписью или печаткой. Здесь много исторических сочинений, книг по искусству, литературоведению. По ним можно изучать творческие интересы писателя, темы, над которыми он работал, создавал свои произведения. Много в собрании книг, подаренных писателю-наставнику молодыми собратьями по перу».

В 1982 году часть библиотеки Вс. Н. Иванова, 675 книг разной тематики, на основании приказа краевого управления культуры была передана краевой научной библиотекой литературному отделу Хабаровского краеведческого музея. Это были издания научного содержания — по географии, истории, художественная литература на русском и иностранных языках (русская, советская и зарубежная), по искусству и литературоведению, о Китае и по истории Дальнего Востока, в том числе 37 краеведческих книг о российском Дальнем Востоке.

Сейчас в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки должно храниться около 500 изданий из библиотеки Вс. Н. Иванова. Пока же обнаружено лишь 13 на русском языке и 5 на иностранных (в том числе и томик «Фауста» Гёте, любимого писателя Всеволода Никаноровича, на немецком языке), книги на английском и испанском языках.

В ноябре 2023 года исполняется 135 лет со дня рождения Вс. Н. Иванова. Дальневосточная государственная научная библиотека продолжает работу в книгохранилище по выявлению и изучению книг из собрания писателя с его автографами и пометами.

«Пленительная сила женщин...»

(о судьбах жён писателя Вс. Н. Иванова)

Ещё в детстве Всеволод Никанорович Иванов, крупный писатель, мыслитель, ощутил «смутную, темную, но грандиозную, как океан... пленительную силу женщины», которая его поддерживала в течение всей жизни. Он считал, что «женщина — зеркало, в которое мы (мужчины — Н. П.) смотримся, чтоб знать свой лик». Рядом с писателем всегда были женщины, он любил и был любимым. Спустя десятилетия, когда, по его словам, «настала холодная ясность осени», он сожалел о «бедных женщинах, которых разбросал на своём пути», понимая, что «когда-нибудь очень ответит за них».

С первой женой Анной Владимировной Нагоровой (1884–1958 гг.), дочь протодьякона из Костромы, писатель познакомился в 1906 году в Санкт-Петербурге. Всеволод был студентом-первокурсником историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В это время юноша «был один, неотвратимо один в огромном Петербурге», и встреча с костромичкой Анютой Нагоровой, которая «держалась всегда свободно, непринуждённо и говорила вслух всё, что думала», он воспринял как спасательный круг. Девушка была сестрой приятеля Всеволода, окончила Таганцевскую гимназию в Санкт-Петербурге и училась на физико-математическом отделении (группа биологии) Бестужевских курсов. Высокая, широкоплечая, сильная, с чудесной тёмно-каштановой косой, для юноши она своей простотой, свежестью, облием и силой, напомнила дом, родной город. Многолетние отношения завершились венчанием летом 1914 года перед мобилизацией Всеволода Никаноровича Иванова. Однако за годы знакомства, по словам писателя, влюблённость, лихорадка первого чувства прошла, «и в душе стояло нечто вроде ясного бабьего лета». И семейная жизнь молодой семьи была недолгой. Последняя встреча с Анной состоялась летом 1917 года в Ярославле.

Дальнейшая судьба Анны Владимировны сложилась трагично: по окончании Гражданской войны Нагорова преподавала в школе, но была уволена за посещение церкви, работала медсестрой в инфекционном госпитале. В 1937 году постриглась в монахини под именем Магдалина и «легла в конце концов на новом кладбище» в Костроме.

В 1956 году Всеволод Никанорович написал ей письмо, и, по словам её подруги В. Госкинс, она была в ужасе от мысли, что они могут встретиться, стеснялась своей убогой обстановки (Анна Владимировна жила в подвале). Но встречи в марте 1956 года не произошло. После её смерти в 1958 году писателю прислали её личные вещи: церковную книгу, скатерть с вышитыми автографами друзей семьи Ивановых и фотографию её скромной могилы.

Второй женщиной, сыгравшей большую роль в жизни Всеволода Никаноровича и разделившей самые трудные годы Гражданской войны и эмиграции, стала Вера Анатольевна Ивашкевич (1890–1960 (?) гг.). Она была из «семьи безусловно культурных деятелей», дочь генерал-майора Анатолия Викторовича Ивашкевича, служившего в Харбине на КВЖД, и Анны Кирилловны, журналиста, писателя. Детство Веры прошло на Дальнем Востоке. В Харбин семья Ивашкевич приехала в 1897 году. На летних каникулах вместе с семьей Вера много раз путешествовала по Японии.

Знакомство с Всеволодом Ивановым состоялось на вечере курсисток-бестужевок в 1910 году. Вера, «брюнетка с большими чёрными глазами, невысокая, сильная, энергичная», понравилась Всеволоду Никаноровичу, и он бродил за ней весь вечер по залу. Он писал: «Я видел сияющие глаза Веры, слушал её сильный голос, её звонкий смех, её свободную, смелую речь... И глядя на бронзовый загар рук, шеи, лица Веры, я думал о солнце Востока, встающем над вечной Азией». Всеволод стал бывать в доме семьи Ивашкевич.

Как и в Анне Нагоровой, в Вере Иванова поражала её внутренняя сила, энергия, девушка была умна и дружелюбна. По окончании Высших бестужевских курсов Вера Анатольевна была оставлена при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, сдала экзамены на степень кандидата исторических наук при Императорском государственном университете. Но, следуя патриотическому порыву, Вера в ноябре 1914 года ушла на фронт Первой мировой войны в качестве сестры милосердия. Участвовала в боевых действиях под Варшавой, в Галиции, на Западном фронте под Минском и Северном фронте под Ригой, была ранена. Спустя годы Всеволод Никанорович восклицал: «Боже мой, бывают же на свете такие женщины, какой была эта маленькая смуглая девочка! Она была, прежде всего, великолепно отважна...» За проявленное мужество девушка была награждена Георгиевскими медалями «За храбрость»

III, IV степени, Анненской золотой медалью II степени и Владимирской серебряной «За усердие».

В марте 1916 года она демобилизовалась, вернулась в Петроград и стала служить делопроизводителем в Министерстве торговли и промышленности. Все эти годы Вера и Всеволод изредка встречались (Вс. Н. Иванов служил в чине подпоручика начальником учебной команды (унтер-офицерской школы) в Перми), но состояли в переписке. Зимой 1916 года Вера приехала в Пермь, и Вс. Н. Иванов, разрываясь между двумя женщинами, понимал, что нужно сделать выбор. Эта встреча определила их дальнейшие отношения. В мае 1917 года Вера переехала в Пермь, в марте 1918 года у Ивановых появился сын Григорий (судьба сына сложилась трагично: по достижении им совершеннолетия он выехал из Харбина в СССР и был репрессирован).

В Перми Вера Анатольевна служила в уездной земской управе в должности делопроизводителя, затем в отделе снабжения уездной продовольственной управы. Вс. Н. Иванов вот как вспоминал это время: «Вставала Вера, наводила на себя красоту, кормила Гришу, валила его в детскую коляску и гвардейским шагом, как всегда, решительная, шагала, катя её перед собой, на работу».

В январе 1919 года Всеволод Никанорович был мобилизован на военную службу Омским правительством, а весной того же года вызван в Омск для работы в Русском бюро печати, пропагандистском органе правительства А. В. Колчака. Когда началось отступление Белой армии, Вера последовала за мужем вначале в Омск, потом в Томск. Судьба их соединяла и разводила. Зимой 1919 года Вера Анатольевна выехала в качестве сестры милосердия эшелонам генерала А. Н. Пепеляева, но под Красноярском была взята в плен, затем отпущена и учительствовала в Томске, позже работала в Москве.

Летом 1921 года она приехала вместе с сыном к Вс. Н. Иванову во Владивосток, работала учительницей русского языка в Высшем начальном училище. Вера Анатольевна разделяла все начинания и интересы мужа. Всеволод Никанорович в это время был уже известным журналистом, редактором газеты «Вечерняя газета», В. А. Ивашкевич публиковала свои статьи в периодической печати Владивостока.

Осенью 1922 года они снова были вынуждены расстаться, Вс. Н. Иванов покинул страну на пароходе «Фузан-мару», выехав в Гензан, впоследствии в Харбин. В. А. Ивашкевич вместе с сыном осталась во Владивостоке, и лишь в апреле 1925 года они приехали в

Харбин. Здесь Вера Анатольевна с перерывом служила на КВЖД конторщицей, машинисткой, библиотекарем, работала сестрой милосердия в частной лечебнице докторов Миндлина и Кауфмана. По воспоминаниям Ю. В. Крузенштерн-Петерц, семья Ивановых снимала в пригороде большой дом с садом, и Вера Анатольевна принимала друзей мужа широко и радушно.

Вместе они прожили до февраля 1931 года и расстались, навсегда сохранив дружеские отношения. Из письма Веры Анатольевны к Всеволоду Никаноровичу известно, что после 1945 года она жила в Харбине, работала лектором лекционного бюро, заведующей литературной секцией. О последнем десятилетии её жизни ничего неизвестно, но есть предположение, что после 1948-го она выехала в СССР и с 1953 по 1960 год заведовала деревенской библиотекой в Хакасской области.

О третьей женщине в судьбе писателя — Зое Ивановне Казаковой (1893–1970-е гг.) известно немного. Зоя Ивановна была драматической актрисой, играла в театрах Харбина. Всеволод Никанорович любил театр и, хотя считал себя «театралом чуть ли не со второго класса», понимал, что важная роль в духовном освоении им мира театра принадлежала Зое. Он восклицал: «Как Зоя учила меня театру!»

Известно также, что в годы Великой Отечественной войны в Шанхае Зоя Ивановна вместе со Всеволодом Никаноровичем работала в газете «Шанхайский базар». По воспоминаниям Н. И. Ильиной, З. И. Казакова «вполне квалифицированно и очень едко освещала театральную жизнь Шанхая».

В феврале 1945 года Вс. Н. Иванов вернулся на Родину, Зоя Ивановна отказалась выехать вместе с ним в СССР. Многие годы они состояли в переписке, он очень беспокоился о ней. В конце 1960-х годов, по словам Л. Н. Андерсен, Зоя Ивановна была в «безвыходном, тяжёлом тупике, она давно жила без службы и без пенсии. Все небольшие сбережения она проболела, т. е. потратила на лекарство». Узнав об этом, Всеволод Никанорович помогал ей материально, а затем, не без его помощи, она через Международный Красный крест выехала в Швейцарию, где и умерла в доме для престарелых в 1970-е годы.

С четвёртой женой — Марией Ивановной Букреевой (1901–1979 гг.) Вс. Н. Иванов встретился в Хабаровске, который ему был определён для местожительства в июле 1945 года. Вероятно, их знакомство произошло в краевой научной библиотеке, в это время Мария Ивановна была её директором. Она родилась в селе Кочки Алтайского края

в крестьянской семье. Окончив краткосрочные курсы учителей начальных классов, пять лет работала в сельских школах. Затем после Краснодарского педагогического института была направлена на Дальний Восток. После сильного потрясения (смерти мужа) в конце 1930-х годов переехала в Хабаровск. Здесь Мария Ивановна преподавала в средней школе литературу и русский язык. В последующие годы работала в краевой научной библиотеке, была заведующей отделом в краеведческом музее, затем снова — в научной библиотеке, занималась общественной работой. По воспоминаниям знавших её людей, она была сильной, активной женщиной, обладала необходимыми для руководителя качествами: умением работать с людьми, деловой хваткой, принципиальностью.

С Марией Ивановной Вс. Н. Иванов прожил более двадцати лет, она оберегала его и заботилась о нём до конца его жизни. О последней своей «подружке», как он её называл, Всеволод Никанорович писал, что «Маша — это раковина, куда прячется улитка моей души».

Все жёны в судьбе Вс. Н. Иванова были духовно цельными, сильными и талантливыми личностями, и каждая оказала на писателя влияние, оставив след в его судьбе.

**Легенды Хабаровска
(Всеволод Никанорович Иванов
и Мария Ивановна Букреева)**

В Хабаровске, как и в любом городе, есть семейные пары, чья история жизни вызывает пристальное внимание. Хабаровчанам знакомы фамилии, всегда звучавшие рядом: Пётр Проскурин и Лилиана Агишева, Валерий Шаврин и Елена Паевская, Владимир Клипель и Мария Бойко... Такой же заметной парой были Всеволод Никанорович Иванов и Мария Ивановна Букреева.

М. И. Букреева сыграла очень большую роль в судьбе Вс. Н. Иванова, став его четвёртой женой. Этот брак продлился более четверти века — до самой смерти Вс. Н. Иванова. Мария Ивановна Букреева, как ангел-хранитель, была всегда рядом, до последних минут жизни Всеволода Никаноровича.

Вс. Н. Иванов появился в Хабаровске летом 1945 года, вернувшись в СССР из Китая. Не мысливший себя без книг и литературной работы, он сразу стал читателем Хабаровской краевой научной библиотеки — так тогда называлась Дальневосточная государственная научная библиотека. Здесь, по всей видимости, и состоялась его встреча с директором библиотеки Марией Ивановной Букреевой.

Первое время бывшему белогвардейскому офицеру и эмигранту с большим стажем было совсем непросто «встроиться» в непривычную обстановку советской жизни того времени, найти общий язык с окружающими и коллегами, которые нередко относились к нему настороженно, если не враждебно. Повышенное внимание подогревалось многочисленными легендами, окружавшими этого человека — бывшего колчаковского офицера, знатока Китая, известного писателя и публициста, за плечами которого были три революции и три войны.

Именно Мария Ивановна, жившая в соседней с Вс. Н. Ивановым комнате в старинном доме на углу улиц Комсомольской и Карла Маркса, помогла ему справиться и с бытовыми, и с моральными трудностями, несмотря на то, что лишилась за это престижной работы.

О том периоде жизни Вс. Н. Иванова вспоминает Лилиана Агишева (псевдоним Анна Гвоздева) — дочь писателя Р. Агишева и жена

писателя П. Проскурина, чья квартира находилась в том же доме. «Мне было и невдомёк, что напротив нашей комнаты живёт большой писатель, человек со сложной, драматической биографией. Для меня он был соседом и только. Потом мы разъехались по разным домам, и наше совместное проживание под общей крышей как-то забылось. Не забылась только красивая, романтическая, как и всё, связанное с личностью Иванова, остро драматическая история его женитьбы на Марье Ивановне, которую за связь с “нежелательным в нашей советской действительности элементом” исключили из партии и сняли с занимаемой до этого высокой должности директора краевой научной библиотеки. Да, было такое. Жилось чете Ивановых трудно, но к чести Марьи Ивановны нужно сказать, что она не только не оставила Всеволода Никаноровича в ответ на все гонения, но именно её неусыпными заботами он выжил в трудные для себя первые годы после возвращения “оттуда”, из-за кордона».

Подтверждают это и записки дочери писателя Александра Матвеевича Грачёва Анны Александровны Пономарёвой, которая часто бывала в доме Иванова и общалась с ним летом в знаменитой Грачёвке. «Верной спутницей всего хабаровского периода жизни Всеволода Никаноровича, помощницей и верным стражем была его жена Мария Ивановна Букреева. Невысокая, миловидная, боготворившая своего Севушку... Именно стражем, не допускавшим в неурочное время назойливых посетителей. У неё резко менялось настроение, когда неожиданно гости, часто с бутылочкой вина, отрывали Всеволода Никаноровича от работы. Однажды два закадычных друга — мой отец (писатель А. Грачёв — Т. К.) и Д. Ф. Карпов, редактор “Тихоокеанской звезды”, — были выставлены ею из квартиры, несмотря на возмущённые возгласы Вс. Н. Позже, в лицах, они изображали своё изгнание под общий смех, без всяких обид, понимая, что Мария Ивановна выполняла свой долг жены писателя».

Всеволод Никанорович и сам мог деликатно выпроводить неурочного визитёра, но Мария Ивановна неуклонно поддерживала чёткий распорядок дня мужа и старалась следить за его здоровьем. Некоторых это раздражало, но большинство относились с пониманием. Об этом вспоминал и писатель Анатолий Сергеевич Ткаченко: «Кто не знал Марии Ивановны, строгой охранительницы творческих часов мужа-писателя, кого не угощала она пирогами с амурской рыбой (тогда ещё изобильной) и у кого из нас не отнимала спиртное,

когда мы пытались пронести бутылку-другую в кабинет Всеволода Никаноровича?..»

К моменту первой встречи Всеволод Никанорович и Мария Ивановна были уже людьми немолодыми, одинокими, много испытавшими в жизни. (Всеволоду Никаноровичу было 57 лет, Марии Ивановне — 44). Соединив свои жизни в одну, более четверти века шли вместе, пока смерть не настигла одного из них.

Эта необычная пара всегда привлекала к себе внимание. Писатель Н. Т. Кабушкин вспоминает об одной такой встрече: «Однажды вечером я со своим товарищем Александром Назаровым шёл на очередное занятие литературного объединения. Около Центрального гастронома вдруг Саша говорит: “О! Иванов идёт! Всеволод Никанорович!” И я увидел двух людей. Они в это время шли как раз напротив редакции газеты «Суворовский натиск», от Амура. Две массивные фигуры: высокий мужчина в чёрном и женщина, которая была значительно ниже его. Они двигались медленно и как бы диссонировали со всем, что происходило вокруг: с улицей, с воздухом, с состоянием неба. Они были тёмные и напоминали словно бы две планеты, которые не летят по небу, а движутся, движутся в мировом пространстве. Они были как бы отречены, полностью отрублены от того, что происходило вокруг.

Вскоре я узнал, что это Всеволод Никанорович шёл со своей женой. Потом я наблюдал ещё несколько раз эту картину, как они вместе шли по улице Карла Маркса, и это мне очень запомнилось».

Судьбе, пославшей ему Машу (так он называл Марию Ивановну в своих записках), Всеволод Никанорович был безмерно благодарен. Об этом говорят его записи в дневниках и записных книжках, которые писатель вёл на протяжении всей жизни.

В связи с издательскими делами Всеволоду Никаноровичу часто приходилось выезжать в Москву и подолгу жить там, ожидая решения своих вопросов. Отправляясь в путь на поезде, с дороги посылал жене телеграммы, писал письма. Получал в ответ длинные, подробные послания, которые сейчас хранятся в фонде Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова вместе с записными книжками писателя.

Вот несколько записей из этих книжек.

1955 год. «21.01. 7 часов вечера. Закончен первый день поездки — великолепный вечер. Грустно. Очень я привык к Маше — как ребёнок.

Заснул, слышу её голос — проснулась бабушка, внучка (попутчики — Т. К.), вечернее солнце».

«23.01. Утром в 5 — Чита. Получил телеграмму от Маши: надёжное, тёплое, голубое. Вчера из Кагановской отправил ей телеграмму». И на следующий день: «Послал 2 телеграммы Маше и в Москву о комнате». А через несколько дней: «29.01.1955. Подъезжаем к Бую. Утро. Милая моя Маша! В 1953 году, в отчаянии от неудач, уезжая из Москвы, мне показалось, что я никогда больше Москвы не увижу. Может быть, тут была ещё и мнительность. И вот теперь на подступах к Москве — я боюсь: — а ну как то чувство было правильно? Если это опять мнительность, хорошо. Если нет — то должен тебе сказать, что люблю тебя всем своим существом и всё равно — мы будем вместе навсегда. Твой Всеволод».

В ответных письмах Мария Ивановна советуется с мужем о житейских делах, сетует на безденежье, рассказывает о городских событиях и новостях в писательской организации. И постоянно о том, как тоскует без него. «Добрый день, мой милый! Целый день, как от тебя приехала (с вокзала, проводив Вс. Н. в Москву — Т. К.), всё время хотелось садиться и писать тебе, т. е. разговаривать с тобою. Едва, бедняга (как ты говоришь всегда), додержалась до вечера».

Затевая в квартире ремонт, пишет мужу: «Книги я твои сняла, связала и сложила на кровать на твою же, а рукописи все в ящики и ни одного листочка не выбросила, даже и перечёркнутые из стола, и с полу, и из-за стола. Всё вычистила, но выбросила только пустую посуду, а всё, что было — сложила обратно».

Славущка, письма старые мои к тебе и твои ко мне у меня была мысль, чтоб во избежание всего прочего, как делают осмотрительные люди, не хранить. Ну я тебя подожду».

Сохранились ли письма Вс. Н. Иванова к Марии Ивановне, неизвестно. В Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова и Государственном архиве Хабаровского края они не обнаружены. Будем надеяться, что их не уничтожили, как это делали многие в то время из предосторожности. Возможно, их увезли родственники после смерти М. И. Букреевой.

Непроста судьба этих людей. В жизни Всеволода Никаноровича была Гражданская война и долгие тяжёлые годы эмиграции, и на долю Марии Ивановны выпало немало испытаний. Она окончила с отличием в 1933 году Краснодарский педагогический институт, где готовили

кадры для разных регионов страны, и получила направление на Дальний Восток. Четыре года была директором Спасской школы в Приморском крае. Но, пережив тяжёлое нервное потрясение после смерти мужа, долго болела и попросила перевод в Хабаровск. Её приняли в одну из лучших средних школ города — № 5 преподавателем литературы и русского языка, затем она стала заведующей учебной частью.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Хабаровск стал принимать эшелоны с ранеными бойцами, здание школы было передано под госпиталь, а Марию Ивановну назначили директором Хабаровской краевой научной библиотеки (ныне ДВГНБ).

М. И. Букрееву называют легендарным директором Дальневосточной государственной научной библиотеки. Ей пришлось вынести всю ответственность, все тяготы, которые выпали на долю руководителя, возглавлявшего библиотеку в суровые годы Великой Отечественной войны.

Личность яркая, волевая, прекрасный организатор, человек редких душевных качеств, она сумела чётко организовать работу библиотеки в условиях военного времени, помогла людям выстоять в эти тяжёлые годы. Благодаря её упорству, настойчивости, мужеству в 1944 году, в самый разгар войны, библиотека получила новое помещение — лучшее здание Хабаровска. И под её руководством зимой библиотечный фонд, насчитывающий более 600 тысяч томов, немногочисленной командой женщин-библиотекарей и школьников был на руках перенесён с улицы Шевченко в новое здание. Деятельность библиотеки в военные годы была высоко отмечена правительством страны. 17 сотрудников во главе с М. И. Букреевой были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Летом 1945 года в новом здании библиотеки появился читатель Всеволод Никанорович Иванов, только что приехавший в Хабаровск. С научной библиотекой у него до конца жизни были тесные деловые и дружеские связи. Все свои юбилеи, в том числе и последний — 80-летие, проводил только в этой библиотеке. С осени 1945 по июнь 1946 года он даже работал в библиотеке консультантом по краеведческой литературе и Китаю. А в июне 1946 года Марии Ивановне пришлось оставить пост директора, передав его фронтовику М. С. Масюку. Она ещё работала в Хабаровском краеведческом музее (1946–1952 гг.), в отделе межбиблиотечного абонементов библиотеки (1953–1955 гг.), а выйдя на пенсию, посвятила себя полностью мужу.

Оставаясь личностью яркой и самодостаточной, она была другом и помощником для Вс. Н. Иванова до последних дней его жизни, любимой и любящей женщиной. Это подтверждают слова Всеволода Никаноровича о жене: «Маша — это раковина, куда прячется улитка моей души».

**Книги на русском языке из библиотеки Вс. Н. Иванова,
хранящиеся в фонде ДВГНБ**

Иванов, Вс. Н. Императрица Фике : ист. повести / Вс. Н. Иванов. — Москва : Совет. писатель, 1968. — 320 с. — Автограф на форзаце: Хабаровской краевой Библиотеке от автора. 20 / XI / 68 Хабар. Иванов [инв. № 1596027].

Всесоюзный музей А. С. Пушкина : каталог. — Ленинград; Москва : Искусство, 1957. — 328 с. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17.

Голышев, Г. Бивак на Угрином озере / Г. Голышев. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1963. — 86 с. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17. — Автограф на обороте тит. листа «Русскому писателю Всеволоду Никаноровичу Иванову дарю сию книжицу с надеждой научиться писать когда-нибудь как он». Г. Голышев.

Гордин, А. Пушкинский заповедник / А. Гордин. — Москва : Искусство, 1956. — 238 с. — Прил.: Виды заповедника. 24 л. ил. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17.

Греческая трагедия. — Москва : Детгиз, 1956. — 366 с. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17. — Подпись простым карандашом на титульном листе : Вс. Н. Иванов. 1957. Харбин. — В тексте пометы и подчёркивания красным и синим карандашом на с. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 41, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 53, 58, 61, 62, 63, 64, 71, 72, 73, 93, 94, 128, 135, 143, 144, 145, 146, 148, 152, 169, 173.

Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. — Москва : Худож. лит., 1964. — 438 с. : ил. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17. — В тексте пометы и подчёркивания красным карандашом на с. 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 117, 118, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 142, 143, 145, 151, 155, 157; с. 151–158 — вырваны; с. 159–160 — отсутствуют.

Иванов, Б. Даль свободного романа / Б. Иванов. — Москва : Совет. писатель, 1959. — 714 с. : ил. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17.

Ильин, М. А. Москва / М. А. Ильин. — Москва : Искусство, 1963. — 514 с. : ил. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17.

Комаров, П. Родная земля : стихи / П. Комаров. — Владивосток : Примиздат, 1950. — 119 с. : портр. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17.

Краткий очерк возникновения и деятельности Николаевской публичной библиотеки Приамурского отдела И. Р. Г. Общества за 4-х летний период её существования, 1895–1898 гг. : (речь директора библиотеки в день освящения вновь пристроенного читального зала 12 января 1899 г.). — Хабаровск : Тип. канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1899. — 41 с. — Отчёт по Николаевской публичной библиотеке за 1898 г. — С. 23–41. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17.

Материалы по истории Владивостока : Кн. 1 : 1860–1917. — Владивосток : Примор. кн. изд-во, 1960. — 204 с. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17. — В тексте пометы и подчёркивания красным карандашом и синими чернилами на с. 9, 12, 14, 16, 27, 47[?], 55, 57, 64[?], 69, 91, 93, 125[?], 129.

Шестакова, Ю. А. Новый перевал / Ю. А. Шестакова. — Москва : Совет. писатель, 1951. — 304 с. — Автограф на титульном листе : «Всеволоду Никаноровичу Иванову с уважением к его таланту. Ю. Шестакова 24 мая 1952 г. г. Хабаровск» — В тексте пометы и подчёркивания красным карандашом на с. 65, 68, 71, 78, 87, 91, 101, 102, 108, 111, 115, 116, 118, 119, 122, 125, 128, 134, 135, 136, 142, 143, 146, 150, 151, 153, 154, 169, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 180, 181, 184, 187, 286, 293, 295, 298, 300.

Эргле, З. О чём рассказывают дома и улицы старой Риги / З. Эргле, С. Циелава. — Рига : Лиесма, 1971. — 158 с. : ил. — Штамп Вс. Н. Иванова на титульном листе и с. 17. — В тексте подчёркивания простым карандашом и красной шариковой ручкой на с. 35, 62, 147, 148, 149.

Библиография произведений Вс. Н. Иванова и литературы о нём

Книги Вс. Н. Иванова 1921–1939 годов издания

1. **В гражданской войне** : из записок омского журналиста / Вс. Н. Иванов. — Харбин : Заря, 1921. — 137 с.
2. **Огненная душа** : (генерал Болдырев) / Вс. Н. Иванов — Харбин, 1921. — 15 с.
3. **Поэма еды** / Вс. Иванов. — Владивосток, 1921.
4. **Сонеты** / Вс. Н. Иванов. — Токио, 1922.
5. **Беженская поэма** / Вс. Н. Иванов. — Харбин : Бамбуковая роща, 1926. — 85 с.
6. **Мы. Культурно-исторические основы российской государственности** / Вс. Н. Иванов. — Харбин : Бамбуковая роща, 1926. — 372 с. — Прил.
7. **Крах белого Приморья** : из записок журналиста / Вс. Н. Иванов. — Тяньцзинь : Наш путь, 1927. — 30 с.
8. **Ленин** : биография / Вс. Н. Иванов. — Харбин : Гун-Бао, 1928. — 97 с.
9. **Поэма еды** / Вс. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1928. — 26 с.
10. 1905 г. : роман молодой души / Вс. Н. Иванов. — Харбин : тип. «Гун-Бао», 1929. — 547 с.
11. **Сонеты**. — [Изд. 2-е] / Вс. Н. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1930. — 32 с.
12. **Философия Владимира Соловьёва** / Вс. Н. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1931. — 18 с. — Отд. отт. из газ. «Русское слово».
13. **Огни в тумане** : думы о русском опыте : [сб. газ. ст. авт.] / Вс. Н. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1932. — 366 с.
14. **Повесть об Антонии Римлянине** / Вс. Н. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1932.
15. **Дело человека. Опыт философии культуры** / Вс. Н. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1933. — 152 с.
16. **Повесть об Антонии Римлянине** / Вс. Н. Иванов. — Харбин : [изд-во М. В. Зайцева], 1934. — 120 с.
17. **Рерих** : Художник. Мыслитель / Вс. Н. Иванов. — Riga : Uguns, 1937. — 101 с.

18. **Рерих** : статьи. Ч. I / Всев. Н. Иванов, Э. Голлербах ; худож. ред. : А. М. Прандэ]. — Рига : Izdevis Rericha Muzejs, 1939. — 188 с.

Книги Вс. Н. Иванова 1952–2015 годов издания

19. **Тайфун над Янцзы** / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Дальневост. гос. изд-во, 1952. — 161, [2] с.

Рец.: Погудин, Г. Тайфун, очистивший землю / Г. Погудин // Амур. правда. — 1952. — 16 нояб. ; Кедров, А. [Рецензия] / А. Кедров // Дал. Восток. — 1952. — № 3. — С. 157–158 ; Николаев, С. «Тайфун над Янцзы» / С. Николаев // Крас. знамя. — 1952. — 24 июля ; Пришвин, А. [Рецензия] / А. Пришвин // Дал. Восток. — 1952. — № 3. — С.157–158.

20. **Тайфун над Янцзы** : повесть / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1954. — 269, [2] с.

21. **Путь к Алмазной горе** : повести / Вс. Н. Иванов ; [ил. : Е. Н. Голыховский]. — Москва : Совет. писатель, 1956. — 494 с.

Рец.: Ширмаков, П. [Рецензия] / П. Ширмаков // Нева. — 1957. — № 8. — С. 205 ; Бажин, Н. [Рецензия] / Н. Бажин // Звезда. — 1957. — № 5. — С. 201–202 ; Надеждин, В. Путь к победе / В. Надеждин // Тихоокеан. звезда. — 1956 — 12 дек. ; Мarmorштейн, И. [Рецензия] / И. Мarmorштейн // Дал. Восток. — 1957. — № 3. — С. 185–188.

22. **Путь к Алмазной горе** ; [Шань-дун ; Великий поход : повести] / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1956. — 496 с. : ил.

Рец.: Фридман, Н. Путь к великой победе / Н. Фридман // Биробиджан. звезда. — 1957. — 6 апр. ; Кирий, Г. Путь к Алмазной горе / Г. Кирий // Дальневост. Комсомольск. — 1957. — 5 февр.

23. **Весенняя повесть о ящике на окне** / Вс. Н. Иванов ; [худож. В. И. Ярошенко]. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1957. — 37, [2] с. : ил.

Рец.: Воронков, А. Новогодний подарок писателя / А. Воронок // Молодой дальневосточник. — 1957. — 24 дек. ; Борисова, Д. Мир оживших вещей / Д. Борисова // Тихоокеан. звезда. — 1957. — 8 дек.

24. **На Нижней Дебре** : роман-хроника / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1958. — 408 с.

Рец.: Владимиров, А. На Нижней Дебре большие перемены / А. Владимиров // Молодой дальневосточник. — 1958. — 20 нояб. — С. 2 ; Магнитский, М. Успех книги вашего земляка / М. Магнитский // Тихоокеан. звезда. — 1959. — 14 февр. ; Николаев, П. Поиски великой правды / П. Николаев // Литература и жизнь. — 1958. — 29 июня ;

Максимов, Н. [Рецензия] / Н. Максимов, М. Штейн // Тихоокеан. звезда. — 1958. — 8 июня; Пришвин, А. Друзья и враги Николая Прошкина / А. Пришвин // Дал. Восток. — 1958. — № 3. — С. 176–179.

25. **Повесть о ящике на окне** : [для мл. шк. возраста] / Вс. Н. Иванов; [ил. : А. К. Свищев]. — Тамбов : Кн. изд-во, 1959. — 47 с. : ил.

26. **Весенняя повесть о ящике на окне** : [для детей] / Вс. Н. Иванов; [ил. В. В. Васильева]. — Южно-Сахалинск, Сахал. кн. изд-во, 1960. — 48 с. : ил.

27. **Валька** / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск, 1961. — 46 с. — (Б-чка дальневост. рассказа).

28. **Золотой бурндук** : фантаст. повесть / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1963. — 64 с.

29. **Черные люди** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов; [худож. Н. И. Гришин]. — Москва : Совет. писатель, 1963. — 588, [1] с.

Рец.: Романенко, Д. В духе добрых традиций / Д. Романенко // Дал. Восток. — 1964. — № 3. — С. 173–177; Полякова, Е. Минувший век во всей его истине ... / Е. Полякова // Новый мир. — 1965. — № 2. — С. 230–247; Оскоцкий, В. Связь времён / В. Оскоцкий // Новый мир. — 1972. — № 4. — С. 231–253; Белов, М. Историческое повествование о народе / М. Белов // Нева. — 1964. — № 10. — С. 190–191; Ивенский, А. Черные люди / А. Ивенский // Тихоокеан. звезда. — 1964. — 14 янв.

30. **Черные люди** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1965. — 637, [1] с.

Рец.: Хлебников, Г. Черные люди / Г. Хлебников // Дальневост. Комсомольск. — 1965. — 28 авг.; Мессер, Р. «Белые пятна» исторической романистики / Р. Мессер // Лит. газ. — 1965. — 21 дек.; Чалмаев, В. История при свете совести : (неизбежность) / В. Чалмаев // Молодая гвардия. — 1968. — № 9. — С. 259–289; Яблоновский, С. Не пепел — живой огонь истории / С. Яблоновский // Тихоокеан. звезда. — 1966. — 9 янв.

31. **Императрица Фике** : ист. повести / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1968. — 320 с.

32. **Императрица Фике** : ист. повести / Вс. Н. Иванов; [худож. Н. А. Шишловский]. — Москва : Совет. писатель, 1968. — 319, [1] с. : ил.

Рец.: Сурганов, В. Из глубины истории / В. Сурганов // Лит. газ. — 1968. — 7 авг. — С. 5; Андреева, Г. О русской старине / Г. Андреева // Нева. — 1969. — № 10. — С. 193.

33. **Александр Пушкин и его время** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов ; [вступ. ст. П. А. Николаева]. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1970. — 462 с. : ил.

Рец.: Акулов, И. Жизнь Отечеству / И. Акулов // Молодая гвардия. — 1971. — № 3. — С. 305–307 ; Михайлов, О. Направление роста (Верность) / О. Михайлов // Наш современник. — 1974. — № 1. — С. 152–165 ; Фояняков, И. [Рецензия] / И. Фояняков // Сиб. огни. — 1972. — № 1. — С. 179–181.

34. **Черные люди** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов ; [ил. : Е. И. Вольгушев]. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1972. — 638 с. : ил. — (Б-ка дальневост. романа).

35. **Дочь маршала** : повесть / Вс. Н. Иванов ; [ил. : О. К. Вуколов]. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. — 95 с. : ил.

36. **Александр Пушкин и его время** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов ; [вступ. ст. П. А. Николаева]. — 2-е изд., испр. — Москва : Молодая гвардия, 1977. — 446 с. : ил.

Рец.: Иванов, Б. Время Пушкина / Б. Иванов // Библиотекарь. — 1978. — № 6. — С. 70–71 ; Николаев, П. А. Книга о Пушкине и её автор / П. А. Николаев // Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время : ист. повествование — 2-е изд., испр. — Москва, 1977. — С. 3–8.

37. **Черные люди** / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1981. — 656 с. — (Байкало-Амурская б-ка «Мужество»).

38. **Золотой бурндук** : фантаст. повесть / Вс. Н. Иванов ; худож. С. Есипов, Г. Лавренко. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. — 48 с. : ил.

39. **Александр Пушкин и его время** ; Императрица Фике : ист. повествования / Вс. Н. Иванов ; [худож. В. Н. Антонов]. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1985. — 720 с. : ил.

40. **Императрица Фике** / Вс. Н. Иванов. — Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1985. — 318 с.

41. **Императрица Фике** : ист. повести / Вс. Н. Иванов. — Москва : Совет. Россия, 1986. — 384 с. : ил.

Рец.: Николаев, П. А. Величие драмы русской истории / П. А. Николаев // Иванов, Вс. Н. Императрица Фике. — Москва, 1986. — С. 3–8.

42. **Императрица Фике** : ист. повести / Вс. Н. Иванов. — Москва : Правда, 1988. — 335 с.

43. **Черные люди** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов ; [худож. Д. К. Титов]. — Ленинград : Лениздат, 1988. — 622 с. : ил. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).

44. **Черные люди** : ист. повествование / Вс. Н. Иванов ; [коммент. Ю. А. Лимонова]. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. — 617 с. : ил. — (Тихоокеан. б-ка: ТБ).

45. **Из неопубликованного** : Рерих. Художник, мыслитель ; Сказание об Антонии Римляnine ; Воспоминания, рассказы и поэма / Вс. Иванов ; [авт. послесл. Ю. Я. Букреев]. — Ленинград : [ЛИО «Редактор»], 1991. — 318 с.

46. **Огни в тумане** ; Рерих — художник-мыслитель / Вс. Н. Иванов ; [худож. И. В. Френкель]. — Москва : Совет. писатель, 1991. — 383 с. : ил.

47. **Императрица Фике** ; Дочь маршала : ист. романы / Вс. Н. Иванов. — Москва : Художеств. лит., 1992. — 541 с.

48. **Рерих — художник-мыслитель** / Вс. Н. Иванов. — [Репр. изд.]. — Рига : Угунс, 1992. — 101 с.

49. **Императрица Фике** : ист. повести / Вс. Н. Иванов. — Тула : Пересвет ; Нижний Новгород : Фрегат, 1993. — 300 с. — (Рус. ист. роман).

50. **Императрица Фике** : ист. повести / Вс. Н. Иванов. — Москва : Панорама, 1993. — 315 с.

51. **Императрица Фике** : роман / Вс. Н. Иванов. — Москва : Роман-газета, 1995. — 63 с.

52. **Императрица Фике** : ист. повести: [для сред. и ст. шк. возраста] / Вс. Н. Иванов. — Калининград : Кн. изд-во, 1998. — 301, [2] с. : ил.

53. **Мы на Западе и на Востоке** : культур.-ист. основы рус. государственности / Вс. Н. Иванов. — Санкт-Петербург : Центр стратег. исслед., 2005. — 325, [1] с. : ил. — Библиогр. в примеч.

54. **Исход** : из воспоминаний / Вс. Н. Иванов ; [худож. Н. И. Холодок ; под общ. ред. М. Ф. Асламова]. — Хабаровск : Союз писателей России, Хабар. регион. отд-ние, 2008. — 399 с. : портр. — (Лит. наследие Приамурья). — Библиогр.: с. 398.

55. **Непрерывное движение духа ...** : дневники и зап. книжки Вс. Н. Иванова / Вс. Н. Иванов ; авт.-сост. Н. С. Позина ; КГБНУК Хабаров. краев. музей им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск : [б.и.], 2012. — 380 с. : ил. — Имен. указ. и примеч.: с. 373–379.

56. **Красный лик** : мемуары и публицистика / Вс. Иванов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — 666 с. : портр.

Рец.: Писатель как разведчик // Совершенно секретно. — 2016. — № 01 (янв.). — С. 38.

**Публикации Вс. Н. Иванова в периодических изданиях
и сборниках 1948–1955 годов издания**

57. **Миром правят живые** : рассказ / В. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1948. — № 5. — С. 73–77.
58. **В Уссурийской тайге** : рассказ / Вс. Н. Иванов // Правда. — 1950. — 28 февр. — С. 4.
59. **Поджигатели** : глава из повести / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1951. — 1 апр., 15 июля.
60. **Тайфун над Янцзы** : повесть / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1951. — № 6. — С. 6–85.
61. **Чжан получил ружьё** : (гл. из повести «Тайфун над Янцзы») // Тихоокеан. звезда. — 1951. — 9 дек. — С. 3.
62. **На озере Найху** : (гл. из кн. «Клятва в персиковом саду») / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1952. — 29 июня.
63. **Секретная миссия генерала Каманаси** : (гл. из кн. «Клятва в персиковом саду») / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1952. — 26 окт.
64. **Замечательный русский учёный-китаевед** : (к 100-летию со дня смерти Н. Я. Бичурина) / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1953. — № 4. — С. 171–175.
65. **Рядовой Осава** : рассказ / В. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1953. — № 5. — С. 119–132.
66. **Тайфун** : (отрывок из кн. «Клятва в персиковом саду») / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1953. — 10 мая.
67. **В горах Лунчжуана** : пьеса / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1954. — 8 авг. — С. 3.
68. **Люди с Усури** : очерк / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1954. — 4 июля. — С. 2.
69. **Новые времена** : рассказ / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1954. — 6 июня. — С. 3.
70. **На Амуре** : рассказ / В. Н. Иванов // Молодой дальневосточник. — 1954. — 18, 20 апр.
71. **Благоуханное процветание** : рассказ / В. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1955. — № 4. — С. 106–113.
72. **На запруде** : гл. из романа «В девятьсот пятом» / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1955. — 2 окт. — С. 3.

1956–1958 гг.

73. **В боевой дружине** / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1956. — 15 янв. — С. 3.

74. **С новым счастьем** / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1956. — 30 дек.

75. **Светланка** : рассказ / В. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1956. — № 4. — С. 24–29.

76. **Светланка** : рассказ / Вс. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1956. — 13 мая. — С. 2.

77. **Хозяин** : рассказ / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1956. — 24 июня.

78. **Восстание** : отрывок из романа «В девятьсот пятом» / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1957. — 10 февр. — С. 3.

79. **Новые зори** : [гл. из нового романа «На Нижней Дебре»] / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1958. — 5 янв. — С. 3.

1960–1969 гг.

80. **В Уссурийской тайге** : рассказ [сокращ. для чтения с эстрады] / Вс. Н. Иванов // Молодёж. эстрада. — 1960. — № 3. — С. 12–15.

81. **В Уссурийской тайге** : [рассказ] / Вс. Н. Иванов // Правда. — 1960. — 28 февр. — С. 4.

82. **Валька** : рассказ / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1960. — № 4. — С. 22–26.

83. **Сорочьи яйца** : рассказ / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1960. — 12 июня.

84. **Концерт в деревне** : очерк / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1961. — 27 авг.

85. **Слобода «опытовщика» Хабарова** : [отрывок из кн. «Чёрные люди»] / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1961. — 21 мая.

86. **Тяга земли** : [сел. хоз-во Дал. Востока] / Вс. Н. Иванов // Лит. газ. — 1962. — 28 апр.

87. **Если в начале пути ...** : маленькая новелла / В. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1964. — 13 дек.

88. **Набат из Вьетнама**. Американцы, убирайтесь вон! : [публицист. заметки] / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1966. — 26 мая.

89. **Александр Пушкин и его время** : гл. из романа / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1968. — № 6. — С. 110–149.

90. **В Новодевичьем монастыре** : из «Исторических рассказов» / Вс. Н. Иванов ; ил. : М. Романдин // Лит. Россия. — 1968. — 22 нояб. — С. 22.

91. **1905 год, апрель**. Из воспоминаний / Вс. Н. Иванов // Молодой дальневосточник. — 1968. — 20 нояб.

92. **Дочь маршала** : повесть / Вс. Н. Иванов ; ил. И. Сущенко // Молодая гвардия. — 1969. — № 9. — С. 46–127.

93. **Тигрица** : рассказ / В. Н. Иванов. — Лит. Россия. — 1969. — 21 нояб. — С. 12–13.

1972–1989 гг.

94. **Тайфун** : повесть / В. Н. Иванов // Далеко у Тихого. 1972. — Владивосток, 1972. — С. 335–372.

95. **Юность и свобода** : повествование о времени и о себе / Вс. Н. Иванов ; [предисл. В. Шевченко] // Дал. Восток. — 1987. — № 7. — С. 9–67 ; № 8. — С. 15–100.

96. **Из записных книжек** / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1988. — № 11. — С. 112–123.

97. **Гул жизни** : повествование о времени и о себе / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1989. — № 10. — С. 74–108 ; № 11. — С. 65–95 ; № 12. — С. 86–113.

1991–1999 гг.

98. **Катя** : рассказ / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1991. — № 9. — С. 119–124.

99. **Пекин** ; Две борьбы за вишнёвый сад / Вс. Н. Иванов // Харбин. Ветка русского дерева. — Новосибирск, 1991. — С. 174–182.

100. [Из харбинского жития. Глава из неопубликованных «Воспоминаний» Вс. Н. Иванова] / Вс. Иванов // «Дело не получило благословения бога». — Хабаровск, 1992. — С. 334–338.

101. **Крах белого Приморья** : (отрывок из книги «Крах белого Приморья. Из записок журналиста», изданной в Тяньцзине в 1927 г.) / В. Н. Иванов // Крас. знамя. — 1992. — 9 июня. — С. 4.

102. **Никитин, В. П.** Переписка с «азиатом» В. Ивановым (автором «Мы») / В. П. Никитин // Евразия : ист. взгляды рус. эмигрантов. — Москва, 1992. — С. 77–79.

103. **Письмо В. Иванова** : (из Цинанфу в Париж) / В. Н. Иванов // Евразия : ист. взгляды рус. эмигрантов. — Москва, 1992. — С. 79–80.

104. «...**Минуты роковые**» : повествование о времени и о себе / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1993. — № 10. — С. 67–113 ; № 11/12. — С. 3–84.

105. **Исход** : повествование о времени и о себе / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1994. — № 12. — С. 3–75 ; 1995. — № 1. — С. 3–84.

106. **Крах белого Приморья** : зап. журналиста / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1994. — № 11. — С. 186–204.

107. **Ампир** ; Царь Федор ; Геометрия ; Александр ; Семья : [стихи] / Вс. Н. Иванов // Мы жили тогда на планете другой : антология поэзии рус. зарубежья. 1920–1990. (Первая и вторая волна). В 4 кн. — Москва, 1995. — Кн. 1. — С. 275–277.

108. **Дракон** ; Казнь : [стихи] / Вс. Иванов // Россияне в Азии : лит.-ист. ежегодник. — Торонто, 1995. — № 2. — С. 6–7.

109. **Китай на свой лад** : [очерк] / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1996. — № 1. — С. 193–205.

110. **Петропавловск** ; Междоусобие (сонет) ; Демократия ; Трупы ; Н. С. Гумилёв (Расстрелян Н. С. Гумилёв) / Вс. Н. Иванов // Белая армия. Белое дело. — Екатеринбург, 1997. — № 3. — С. 140–144.

111. **Харбин. 20-е годы** / Вс. Иванов // Русский Харбин. — Москва, 1998. — С. 13–24 ; То же. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва, 2005. — С. 13–24.

112. **Записные книжки** / Вс. Н. Иванов // Словесница Искусств. — 1999. — № 2. — С. 2–5.

2001–2008 гг.

113. **Поэма еды ; Казнь ; Дракон ; Сумерки ; Харчевка** ; Японские стихи : [стихи] / Вс. Иванов // Русская поэзия Китая : антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. — Москва, 2001. — С. 202–213.

114. ***Беженская поэма** : избр. главы // Амур. альманах. — Благовещенск, 2003. — С. 65–69.

115. **«Моя пленительная муза...»** : стихи / Вс. Иванов // Ильина-Лайль О. Восточная нить. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 279–280. — Посвящение Е. Д. В. (Екатерине Дмитриевне Воейковой).

116. **Всеволод Иванов, известный писатель и незнакомый поэт** : [подборка стихов] / Вс. Н. Иванов ; публ. подгот. С. Якимова // Дал. Восток. — 2004. — № 4. — С. 190–198. — Из содерж.: Сумерки ; Харчевка ; Три сонета ; Междоусобие ; Демократия ; Голубой дракон ; Японские стихи и др.

117. **Беженская поэма** / Вс. Н. Иванов // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. — Пекин, 2005. — Т. 1 : Харбин — мой оазис. — С. 260–294.

118. **Известный писатель и незнакомый поэт Всеволод Никинорович Иванов** : [подборка стихов] : Петропавловск : (стихотворение в прозе) ; Три сонета : Видение. Дьявол. Финикия ; Демократия : (сонет) ; Голубой дракон ; Японские стихи ; Китайцы ; Христос : (сонет) ; Ампи́р : (сонет) ; Литературная любовь ; Воспоминание : (сонет) ; «Клубятся медные туманы...» ; Углич ; В бегстве ; Сумерки ; Харчевка / Вс. Н. Иванов // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие. — Хабаровск, 2005. — С. 83–91 ; То же. — Хабаровск, 2006. — С. 91–101 ; То же. — 2-е изд., перераб. и доп. — Хабаровск, 2009. — С. 95–103.

119. **Казнь** ; Дракон ; Сумерки ; Харчевка : [стихи. Харбин, 1929] / Вс. Иванов // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. — Пекин, 2005. — Т. 2 : Паровозы гудят у Цицикара. — С. 411–412.

120. **Письма Вс. Н. Иванова к Н. К. Бруни** : [эпистоляр. наследие рус. писателя и мыслителя Вс. Н. Иванова периода его жизни в Хабаровске] / Вс. Н. Иванов ; коммент. и публ. Н. Пономарчук // Дал. Восток. — 2006. — № 2. — С. 178–205.

121. **Поэма о Даме в сером** : [из альм. «Парнас между сопок». Владивосток, 1922] / В. Иванов // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2006. — Вып. 14. — С. 95–104.

122. **В новом быту** : отрывки из воспоминаний. Гл. 14. : [Пермский период в жизни Вс. Н. Иванова] / В. Н. Иванов // Ретроспектива : пермский ист.-арх. журн. — 2007. — № 4. — С. 3–8 : портр., фот. — Окончание. Начало в № 3.

123. **Детская энциклопедия старого Китая** ; Примеры сыновнего послушания : из переводов с кит. яз. / Вс. Н. Иванов // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 31–36.

2010–2018 гг.

124. **Клио** : [стихи] / Вс. Иванов // Русская Атлантида. — Челябинск, 2010. — № 36. — С. 6.

125. **Пекин** ; Философия Вл. Соловьёва ; Александр Блок ; Н. С. Гумилёв ; Причастный тайнам : (памяти А. Блока) ; Петропавловск : (стихотворение в прозе) ; Три сонета (Видение, Дьявол, Финикия) ; Ампи́р ; Междоусобие ; Демократия ; Христос ; Голубой дракон ;

Китайцы ; Литературная любовь ; «Клубятся медные туманы...» ; Воспоминание ; Обыденность ; Трупы ; Углич : [ст., стихи и проза разных лет] / Вс. Иванов // Их дальний путь лежал в изгнание... : антология-хрестоматия / под ред. С. И. Якимовой. — Хабаровск, 2011. — С. 19–44, 54–67, 120–129.

126. **Автобиография** ; Дневник 1947–1949 : нотатки (заметки) / Вс. Иванов // Дал. Восток. — 2013. — № 5. — С. 216–229 ; № 6. — С. 204–220 ; 2014. — № 1. — С. 212–228.

127. **Записная книжка 1956/1959 гг.** / Вс. Н. Иванов // Записки Гродековского музея. — 2013. — Вып. 29. — С. 130–131.

128. **Наша современница капитан Савченко** : [о Зинаиде Павловне Савченко — капитане теплохода «Блюхер». Единственная капитан-женщина на Амуре. 1961 г.] / Вс. Иванов // Словесница Искусств. — 2013. — № 1. — С. 38–41 : портр.

129. **1905-й год.** Роман молодой души ; Белый дым ; На масляной неделе ; Мать / Вс. Н. Иванов // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь : хрестоматия. — Благовещенск, 2013. — Т. 1, ч. 1 (А–К). — С. 298–339. — (Сведения об авторе — с. 298).

130. **Всеволод Н. Иванов** (1888–1971) : [подборка стихов и крат. биогр. справка] // Поэты Первой мировой войны : антология. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 224–234 : портр.

131. **Деревянные канделябры** : [статья] ; Всадник и звезда ; Зима ; Медному царю ; Демократия ; Финикия ; Ампиризм ; Безсонница : [стихи] : тексты публ. В. Н. Иванова в пермских газетах // Пермские дни роковые Всеволода Иванова. 1914–1919 гг. — Пермь, 2018. — С. 191–197 : фот.

132. **Повествование о времени и о себе** : [отрывки из повестей «Минуты роковые», «Исход»] / В. Н. Иванов // Пермские дни роковые Всеволода Иванова. 1914–1919 гг. — Пермь, 2018. — С. 24–182.

132а. **Под вьюгой жизни.** Памяти Ф. М. Достоевского / В. Иванов // На «вершинах невечернего света и неопалимой печали» : очерки, ст., рец., мемуары о рус. писателях. — Москва, 2020. — С. 251–256. — (Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика).

Рецензии Вс. Н. Иванова

133. [Рецензия] / Вс. Никаноров (Вс. Н. Иванов) // Дал. Восток. — 1955. — № 4. — 187–189. — Рец. на кн. : Руа, К. Ключи к Китаю / К. Руа. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1954.

134. **Две вершины китайской народной литературы** : [о романах Ло Гуань-чжуна «Троецарствие» и Ши Найяня «Речные заводи»] / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1957. — № 1. — С. 184–186.

135. **На пороге жизни** / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1958. — № 3. — С. 184–185. — Рец. на кн. : Александровский, В. Н. Когда нам семнадцать / В. Н. Александровский. — Москва : Детгиз, 1957.

136. **О людях Чукотского моря** / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1961. — № 5. — С. 188–189. — Рец. на кн. : Леонтьев, В. В Чукотском море / В. Леонтьев. — Магадан : Кн. изд-во, 1961.

137. **[Рецензия]** / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1961. — № 3. — С. 179–181. — Рец. на кн. : Вахов, А. Маяк продолжает гореть / А. Вахов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1960.

138. **Отметка большой удачи** : [о кн. А. Макеева «Перевоз-Гиллюй» (Хабаровск, 1967)] / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1967. — 6 авг.

139. **Река — жизни** / Вс. Н. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1968. — 7 апр. — Рец. на кн. : Руссков, В. Земля моих отцов / В. Руссков. — Хабаровск : Кн. изд-во. 1968.

Публикации о жизни и деятельности писателя

Книги 1992–2018 гг.

140. **Якимова, С. И.** Историческая проза Вс. Н. Иванова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / С. И. Якимова ; Моск. пед. ун-т. — Москва, 1992. — 19 с. — Библиогр.: с. 18–19 (6 назв.).

141. **Вс. Н. Иванов и культура России** : (к 105-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 17–19 нояб. 1993 г., г. Хабаровск. — Хабаровск : [б. и.], 1993. — 93 с.

142. **Вс. Н. Иванов и культура России** : Всерос. науч.-практ. конф. : (к 105-летию со дня рождения писателя) : [буклет] / сост. С. Якимова. — Хабаровск : Приз, 1993. — 4 л.

143. **Якимова, С. И.** К изучению исторического повествования Вс. Н. Иванова «Александр Пушкин и его время» : учеб.-метод. пособие для учителей лит. / С. И. Якимова ; Хабар. краев. ин-т переподгот. и повышения квалификации пед. кадров. — Хабаровск : ХК ИППК ПК, 1997. — 45 с.

144. **Якимова, С. И.** Жизнь и творчество Вс. Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века / С. И. Якимова ; Хабар. гос. пед. ун-т. — Хабаровск : ХГПУ, 2001. — 258 с.

145. **Лелаус, В. В.** Исторические романы Вс. Н. Иванова «Черные люди» и «Александр Пушкин и его время». Концепция национального характера. Проблема жанровых модификаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В. В. Лелаус ; Дальневост. гос. ун-т. — Владивосток, 2002. — 22, [1] с.

146. **Якимова, С. И.** Жизнь и творчество Вс. Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / С. И. Якимова ; Хабар. гос. пед. ун-т, Дальневост. гос. ун-т. — Хабаровск, 2002. — 47 с. — Библиогр.: с. 45–47.

147. **Всеволод Никанорович Иванов и культура России** : межвуз. сб. науч. тр. : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф., посвящ. 115-й годовщине со дня рождения писателя / Хабар. гос. пед. ун-т ; под общ. ред. С. И. Якимовой. — Хабаровск : [ХГПУ], 2004. — 74 с.

148. **Ефименко, В. М.** Всеволод Никанорович Иванов / В. М. Ефименко, Ю. В. Ефименко. — Хабаровск : [б. и.], 2009. — 38 с. : ил.

149. **Непрерывное движение духа...** : дневник и записные книжки Вс. Н. Иванова. — Хабаровск : ХКМ им. Гродекова, 2012. — 390 с. : ил.

150. **Всеволод Никанорович Иванов — писатель и философ** : (биобиблиогр. указ.). — Хабаровск : ДВГНБ, 2013. — 88 с. : ил.

151. **Каталог коллекции писателя Вс. Н. Иванова в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова.** Ч. 1. — Хабаровск : ХКМ им. Гродекова, 2013. — 80 с. : ил.

152. **Якимова, С. И.** Всеволод Никанорович Иванов : писатель, мыслитель, журналист / С. И. Якимова. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2013. — 216 с.

153. **Всеволод Никанорович Иванов в воспоминаниях** / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск : ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2018. — 176 с.

Статьи

1958–1968 гг.

154. **Ефименко, В.** Чествуем юбиляра : к 70-летию со дня рождения / В. Ефименко // Молодой дальневосточник. — 1958. — 20 нояб. — С. 2 : портр.

155. **Чествование писателя Вс. Н. Иванова** : [70 лет со дня рождения] // Тихоокеан. звезда. — 1958. — 22 нояб.

156. **Калинчук, И.** Встреча с писателем / И. Калинчук // Тихоокеан. звезда. — 1959. — 30 дек.

157. **Дружеский шарж** [на В. Иванова] / рис. Инн. Горбунова ; стихи Р. Добровенского // Дал. Восток. — 1961. — № 4. — С. 189.

158. **Ефименко, В.** Наш юбиляр / В. Ефименко // Тихоокеан. звезда. — 1963. — 20 нояб. : фот.

159. **Симовский, С. Л.** Иванов Вс. Н. : [крат. справка и библиогр.] / С. Л. Симовский // Краткая литературная энциклопедия. — Москва, 1966. — Т. 3. — С. 37–38.

160. **Александровский, В.** Юбилей старейшего писателя : к 80-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова / В. Александровский // Тихоокеан. звезда. — 1968 — 20 нояб. : фот.

161. **В. Н. Иванову — 80 лет** // Лит. Россия. — 1968. — 4 дек. — С. 4.

162. **[Всеволод Никанорович Иванов** : крат. биогр. справка и портр] // Дал. Восток. — 1968. — № 6. — С. 111.

163. **Гвоздева, А.** Долгий путь / А. Гвоздева // Сиб. огни. — 1968. — № 6. — С. 158–163.

164. **Грачёв, А. М.** Мастерство — это труд / А. М. Грачёв // Сувор. натиск. — 1968. — 20 нояб.

165. **Грачёв, А.** Совершенство / А. Грачёв // Молодой дальневосточник. — 1968. — 20 нояб.

166. **Пролесковская, Е.** О времени и о себе / Е. Пролесковская // Молодой дальневосточник. — 1968. — 23 нояб.

1971–1978 гг.

167. **Вс. Н. Иванов** : [некролог] // Тихоокеан. звезда. — 1971. — 10 дек. : портр.

168. **Иванов, Ю.** Разговор о Пушкине : [о встрече с писателем Вс. Ивановым в Хабар. пед. ин-те] / Ю. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 1971. — 24 янв.

169. **Вс. Н. Иванов** // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. / сост. Е. М. Алёнкина. — Хабаровск, 1973. — С. 98–102.

170. **Гюбиева, Г. Е.** Древнерусские художественные источники романа Вс. Н. Иванова «Черные люди» («Житие» протопопы Аввакума) / Г. Е. Гюбиева // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. — Хабаровск, 1973. — Т. 2. — С. 22–23.

171. **Гюбиева, Г. Е.** Вс. Н. Иванов — художник / Г. Е. Гюбиева // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. — Хабаровск, 1974. — Т. 3. — С. 68–82.

172. **Вежновец, А.** «Чёрный человек» российской словесности : [в т. ч. об открытии в Хабаровске мемор. доски на здании по ул. Калинина] / А. Вежновец // Хабар. недвижимост. — 1977. — № 6 (февр.). — С. 8.

173. **Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971)** : [список лит.] // Русская литература Сибири. 1917–1970 гг. : библиогр. указ. — Новосибирск, 1977. — Ч. 2. — С. 136–138.

174. **Николаев, П. А.** Книга о Пушкине и её автор / П. А. Николаев // Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время : ист. повествование / Вс. Н. Иванов. — Изд. 2-е, испр. — Москва, 1977. — С. 3–8.

175. **Максимов, Н.** Исполненный долг : к 90-летию со дня рождения / Н. Максимов // Дал. Восток. — 1978. — № 11. — С. 126–129.

1987–1989 гг.

176. **Чернявский, А.** «...Рос среди кипучего народа» : заметки о мемуарах Вс. Н. Иванова «Юность и свобода» / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. — 1987. — 15 нояб.

177. **Шевченко, В.** Возвращение к народу и к себе / В. Шевченко // Дал. Восток. — 1987. — № 7. — С. 6–8 : фот.

178. **Гвоздева, А.** Чувство Родины : к 100-летию со дня рождения Всеволода Никаноровича Иванова / А. Гвоздева // Наш современник. — 1988. — № 10. — С. 173–181.

179. **Соломатов, В.** Всеволод Никанорович / В. Соломатов // Биробиджан. звезда. — 1988. — 19 нояб. — К 100-летию Вс. Н. Иванова.

180. **Шевченко, В.** Верность России : к 100-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова / В. Шевченко // Дал. Восток. — 1988. — № 11. — С. 111–112.

181. **Шевченко, В.** Гул далёких бурь : к 100-летию со дня рождения писателя Вс. Н. Иванова / В. Шевченко // Тихоокеан. звезда. — 1988. — 20 нояб.

182. **Иванов Всеволод Никанорович** // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. / сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. — Хабаровск, 1989. — Вып. 2. — С. 100–102.

183. **Сумашедов, Б.** Травы из дневника 47 года : [материалы о Вс. Н. Иванове в Хабар. лит. музее] / Б. Сумашедов // Совет. культура. — 1989. — 14 янв. — С. 6.

1991–1994 гг.

184. **Букреев, Ю.** Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) и его литературное наследие / Ю. Букреев // Иванов Вс. Н. Из неопубликованного / Вс. Н. Иванов. — Ленинград, 1991. — С 304–318.

185. **Дракохруст, А.** Ещё один Всеволод Иванов ... : [страницы биографии] / А. Дракохруст // Гипотеза. — 1991. — № 6 (май). — С. 9, 12.

186. **Якимова, С.** Из России — с Россией : заметки о творчестве Вс. Н. Иванова периода эмиграции / С. Якимова // Дал. Восток. — 1992. — № 7. — С. 139–143.

187. **Якимова, С. И.** Прозаические жанры в творчестве Вс. Н. Иванова 20-х – 30-х годов / С. И. Якимова ; Моск. пед. ун-т // Размышления о жанре : межвуз. сб. науч. тр. — Москва, 1992. — С. 89–100.

188. **Всеволод Никанорович Иванов** (1888–1971) : [список лит. (11 назв)] // Литература русского зарубежья возвращается на Родину. — Москва, 1993. — Вып.1, ч. 1. — С. 212.

189. **Ципкин, Ю.** Гражданская война глазами писателя [Вс. Н. Иванова] / Ю. Ципкин // Приамур. ведомости. — 1993. — 9 июня.

190. **Чернявский, А.** В минуты роковые : [о публ. Вс. Н. Иванова в журн. «Дальний Восток»] / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. — 1994. — 4 февр.

191. **Шевченко, В.** Караван идёт дальше: [о публ. в журн. «Дальний Восток» последнего тома мемуаров В. Н. Иванова «Исход»] / В. Шевченко // Тихоокеан. звезда. — 1994. — 25 окт.

1995–1999 гг.

192. **Шевченко, В.** Час молчания : [авт. — гл. ред. журн. «Дальний Восток» о творчестве В. Н. Иванова] / В. Шевченко // Тихоокеан. звезда. — 1995. — 15 марта.

193. **Юдин, В. А.** Исторический роман 1-й волны эмиграции / В. А. Юдин // Юдин В. А. Исторический роман русского зарубежья / В. А. Юдин. — Тверь, 1995. — С. 8–66. — Из содерж.: Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971). — С. 58–65.

194. **Быстрых, Т.** «Были мы, были троянцы!» : [Вс. Н. Иванов в Перми в 1914–1918 гг.] / Т. Быстрых // Пермские новости. — 1996. — 2 окт.

195. **Таскина, Е. П.** Иванов Всеволод Никанорович : [биография] / Е. П. Таскина // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. — Москва, 1997. — Т. 1 : Писатели Русского Зарубежья. — С. 185–186. — Библиогр.: с. 186.

196. **Якимова, С. И.** О духовно-нравственном предтечье дальневосточной эмиграции / С. И. Якимова // Белая армия. Белое дело : ист. науч.-популяр. альм. — Екатеринбург, 1997. — № 3. — С. 126–139 : ил.

197. **Аникина, Г. П.** Вс. Н. Иванов и Китай / Г. П. Аникина // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая : исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. — Хабаровск, 1998. — С. 252–254.

198. **Кириллов, Е.** Иванов из «Гунбао» против Кольцова из «Правды» : [к 110-летию со дня рождения В. Н. Иванова] / Е. Кириллов // Тихоокеан. звезда. — 1998. — 29 окт.

199. **Крузенштерн-Петерец, Ю. В.** Воспоминания : [Вс. Н. Иванов в Харбине и Шанхае] / Ю. В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии : лит.-ист. ежегодник. — Торонто, 1998. — № 5. — С. 67–81 ; 2000. — № 7. — С. 97.

200. **Шевченко, В. С.** Час молчания : [беседа с В. С. Шевченко об изд. мемуаров Вс. Н. Иванова] / зап. А. Г. Чернявский // Чернявский А. Г. Не порастёт бльём былое... — Хабаровск, 1998. — С. 64–72 ; То же // ...И не забудет новый век : (портреты без автографов). — Хабаровск, 2001. — С. 141–150.

201. **Якимова, С. И.** Историческое повествование В. Н. Иванова «Пушкин и его время» в школьном курсе литературы / С. И. Якимова // ДВ регион : литература и искусство в школе. — Хабаровск, 1998. — С. 34–45.

202. **Глебова, Е.** Всеволод Никанорович Иванов. Записные книжки / Е. Глебова // Словесница Искусств. — 1999. — № 2 (2). — С. 2–5 : ил.

203. **Иванов Всеволод Никанорович** // Словарь поэтов русского зарубежья. — Санкт-Петербург, 1999. — С. 106.

204. **Кириллов, Е.** Беженские годы : неизвестные страницы биографии Вс. Н. Иванова / Е. Кириллов // Дал. Восток. — 1999. — № 7/8. — С. 259–272 ; То же // Кириллов, Е. Очерки времён русского Харбина / Е. Кириллов. — Хабаровск, 2008. — С. 43–63.

2000 г.

205. **Грачёва, А.** Лето в «Грачёвке» : из воспоминаний о Вс. Н. Иванове / А. Грачёва // Тихоокеан. звезда. — 2000. — 8 авг. — С. 3.

206. **Гусев, О.** О встречах с Вс. Н. Ивановым / О. Гусев // Гусев О. Белый Конь Апокалипсиса. — Изд. 2-е, доп. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 22–27, 45–46, 292.

207. **Иванов, В.** Когда не в ладах с историей : [об искажении фактов в кн. О. Гусева «Белый Конь Апокалипсиса», повествующей о Вс. Н. Иванове, А. П. Окладникове, отце Иннокентии (Вениаминове)] / В. Иванов // Рыбак Хабар. края. — 2000. — № 16. — (Прил. «Русский флаг» ; № 4). — С. 4.

208. **Иванов, В.** Любимые женщины Всеволода Иванова : писатель и его время / В. Иванов // Приамур. ведомости. — 2000. — 7 марта. — С. 3 : фот.

209. **Иванов, В.** Мои знакомые эмигранты / В. Иванов // Рыбак Хабар. края. — 2000. — № 11. — (Прил. «Русский флаг» ; № 3). — С. 4 : фот.

210. **Красноштанов, С. И.** Вс. Иванов о Гёте, Обломове и Корчагине (из рукописного наследия) / С. И. Красноштанов // Запад — Восток : образование и наука на пороге XXI в. : межвуз. сб. науч. тр. — Хабаровск, 2000. — С. 67–70.

211. **Лелаус, В. В.** Эпоха и поэт : осмысление образа Пушкина в историческом романе Вс. Н. Иванова / В. В. Лелаус // Новое видение культуры мира в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. — Владивосток, 2000. — С. 252–253.

212. **Пономарчук, Н. С.** Поиск истины в «Сказании об Антонии Римлянине» Вс. Н. Иванова / Н. С. Пономарчук // Духовная жизнь Дальнего Востока России : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 2000-летию Христианства. — Хабаровск, 2000. — С. 293–295.

213. **Якимова, С. И.** Тема духовного созидания в творчестве Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Духовная жизнь Дальнего Востока России : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 2000-летию Христианства. — Хабаровск, 2000. — С. 165–168. — Библиогр.: с. 168.

2001–2004 гг.

214. **Пономарчук, Н. С.** Выставка «Вс. Н. Иванов о Пушкине и времени» в Хабаровском краеведческом музее / Н. С. Пономарчук // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2001. — Вып. 4. — С. 191–197.

215. **Ципкин, Ю. Н.** Воспоминания Вс. Н. Иванова о Гражданской войне как исторический источник / Ю. Н. Ципкин // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2001. — Вып. 2. — С. 180–191.

216. **Иванов, В.** Когда оживает слово : [о науч.-практ. конф. в ХГПУ, посвящ. духов. наследию писателя В. Н. Иванова] / В. Иванов // Приамур. ведомости. — 2003. — 26 нояб. — С. 4.

217. **Ефименко, Ю. В.** Истина всегда в пути : [о встречах с Вс. Н. Ивановым] / Ю. В. Ефименко // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2004. — Вып. 7. — С. 97–105.

218. **Пономарёва, А.** Вс. Н. Иванов в Хабаровске : [воспоминания дочери писателя А. М. Грачёва] / А. Пономарёва // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2004. — Вып. 7. — С. 106–112 ; Сувор. на- тиск. — 2004. — 12 окт. — С. 5.

219. **Руссков, В. А.** «О В. Н. Иванове только каким я знал его...» : (воспоминания В. А. Русскова о В. Н. Иванове в собр. док. Хабар. краевед. музея) / В. А. Руссков // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2004. — Вып. 7. — С. 91–97.

220. **Якимова, С.** Харбинский странник / С. Якимова // Лит. Россия. — 2004. — № 15 (апр.). — С. 12.

2005–2006 гг.

221. **Долбилкин, Н. П.** Дар судьбы / Н. П. Долбилкин // Хабар. вести. — 2005. — 18 янв. — С. 6.

222. **Тарвид, Л.** Всеволод Никанорович Иванов как евразиец / Л. Тарвид // Экумена. — Хабаровск, 2005. — № 8. — С. 129–139. — Библиогр.: с. 139 (19 назв.).

223. **Якимова, С.** Подвижник русской культуры / С. Якимова // Дал. Восток. — 2005. — № 2. — С. 156–175.

224. **Якимова, С. И.** Подвижник русской культуры : вехи жизни и творчества Вс. Н. Иванова ; Философско-эстетические основы творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2005. — С. 49–82 ; То же. — 2-е изд., перераб. и доп. — Хабаровск, 2009. — С. 54–90.

225. **Якимова, С. И.** Подвижник русской культуры : вехи жизни и творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2005. — С. 49–74.

226. **Якимова, С. И.** Философские и эстетические основы творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2005. — С. 74–82.

227. **Якимова, С. И.** Социокультурные предпосылки, духовно-нравственные истоки явления дальневосточной эмиграции / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2005. — С. 8–17.

2006 г.

228. **Андерсен, Ларисса.** [Письма Вс. Н. Иванову из Франции. 1970–1971 гг.] / Л. Андерсен // Андерсен, Л. Одна на мосту / Л. Андерсен. — Москва, 2006. — С. 328–333.

229. **Иванов Всеволод Никанорович** // Литературное зарубежье России : энцикл. справ. — Москва, 2006. — С. 282–283. — (Энциклопедия российской эмиграции).

230. **Иванов, В.** Необычный однофамилец / В. Иванов // Тихоокеан. звезда. — 2006. — 25 июля.

231. **Ткаченко, А.** Писатель русской судьбы / А. Ткаченко // Иванов-Ардашев В. В. Эхо русского зарубежья : очерки и переписка с писателями-эмигрантами / В. В. Иванов-Ардашев. — Изд. 2-е, доп. — Хабаровск, 2006. — С. 65–72 ; Изд. 3-е. — Хабаровск, 2007. — С. 65–72.

232. **Якимова, С. И.** Подвижник русской культуры : вехи жизни и творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие для преподавателей, аспирантов и студентов / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2006. — С. 55–82.

233. **Якимова, С. И.** Социокультурные предпосылки, духовно-нравственные истоки явления дальневосточной эмиграции / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие для преподавателей, аспирантов и студентов / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2006. — С. 9–19.

234. **Якимова, С. И.** Философские и эстетические основы творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература

русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие для преподавателей, аспирантов и студентов / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2006. — С. 83–92 ; То же. — 2-е изд., перераб. и доп. — Хабаровск, 2009. — С. 81–94.

2007 г.

235. **Голубева, А. Э.** В гостях у Всеволода Иванова / А. Голубева // Голубева А. Теперь он запомнит : повести, рассказы, непридум. истории / А. Голубева. — Хабаровск, 2007. — С. 270–273.

236. **Иванов-Ардашев, В. В.** Шелест давних страниц / В. В. Иванов-Ардашев // Иванов-Ардашев В. В. Эхо русского зарубежья : очерки и переписка с писателями-эмигрантами / В. В. Иванов-Ардашев. — Изд. 3-е, доп. — Хабаровск, 2007. — С. 61–64. — Публ. писем Ю. Ципкина и А. Ткаченко о Вс. Н. Иванове.

237. **Воробьёва, И. Ю.** Тема истории в сонетах Вс. Н. Иванова «Клио», «Углич» : [из сб. «Сонеты», изд. в Китае в 1922 г.] / И. Ю. Воробьёва // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2007. — Вып. 17. — С. 106–111. — Библиогр. в примеч.: с. 111.

238. **Долбилкин, Н. П.** Словно полёт в бездну... : [беседа с худож. Н. П. Долбилкиным, рисовавшим портрет Вс. Н. Иванова] / зап. В. В. Иванов-Ардашев // Иванов-Ардашев В. В. Эхо русского зарубежья : очерки и переписка с писателями-эмигрантами / В. В. Иванов-Ардашев. — Изд. 3-е, доп. — Хабаровск, 2007. — С. 81–84.

239. **Сумашедов, Б.** Травы из дневника 47 года / Б. Сумашедов // Иванов-Ардашев В. В. Эхо русского зарубежья : очерки и переписка с писателями-эмигрантами / В. В. Иванов-Ардашев. — Изд. 3-е, доп. — Хабаровск, 2007. — С. 75–80.

2008 г.

240. **Гребенюкова, Н.** «Жизнь — это подвиг ...» : (размышления о судьбах Вс. Н. Иванова и Д. И. Глушкова-Олерона) / Н. Гребенюкова // Дал. Восток. — 2008. — № 6. — С. 190–195.

241. **Гребенюкова, Н. П.** В России «Есть живые, великие, глубокие, тайные связи...» : (размышления о судьбах Вс. Н. Иванова и Д. И. Глушкова-Олерона) / Н. П. Гребенюкова // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 25–30.

242. **Григорьев, А.** «Исход» полон гула жизни : [о презентации в Дальневост. гос. науч. б-ке новой кн. воспоминаний Вс. Н. Иванова в серии «Литературное наследство»] / А. Григорьев // Тихоокеан. звезда. — 2008. — 17 дек. — С. 5.

243. **Добровольская, И.** Некоторые вехи российской истории в произведениях Всеволода Никаноровича Иванова : [к 120-летию со дня рождения писателя] / И. Добровольская // Дал. Восток. — 2008. — № 6. — С. 184–189.

244. **Добровольская, И. В.** Некоторые вехи российской истории в произведениях Вс. Н. Иванова : (к 120-летию со дня рождения дальневост. писателя) : [о произведениях «Иван III», «Чёрные люди»] / И. В. Добровольская // История и культура Приамурья. — 2008. — № 1. — С. 41–47.

245. **Дракохруст, А.** Ещё один Иванов ... : [воспоминания] / А. Дракохруст // Дал. Восток. — 2008. — № 4. — С. 162–169.

246. **Иванов, В.** Шелест забытых страниц / В. Иванов // Приамур. ведомости. — 2008. — 19 нояб. — С. 19.

247. **Иванов-Ардашев, В.** Грусть запоздалых открытий : [о лит. вечере памяти писателя Вс. Н. Иванова в Хабар. краев. краевед. музее им. Н. И. Гродекова] / В. Иванов-Ардашев // Приамур. ведомости. — 2008. — 17 дек. — С. 11.

248. **Иващенко, Е. Г.** Карнавальный сюжет в литературе эмиграции : [о «Поэме еды» Вс. Н. Иванова] / Е. Г. Иващенко // Русский Харбин, запечатленный в слове. — Благовещенск, 2008. — Вып. 2. — С. 67–76.

249. **Кириллов, Е.** Беженские годы : (неизвестные страницы биографии Вс. Н. Иванова) : эмигрантские хроники ; «Ах, Иванов, из «ГУН БАО» / Е. Кириллов // Кириллов Е. Очерки времён русского Харбина / Е. Кириллов. — Хабаровск, 2008. — С. 43–63.

250. **Лелаус, В. В.** Проблема русского характера в романе Вс. Н. Иванова «Чёрные люди» / В. В. Лелаус // Вестн. Мор. гос. ун-та. Сер. Обществовед. науки. — 2008. — № 24. — С. 36–43. — Библиогр.: с. 43.

251. **Малинкович, Д. И.** Воспоминания о Вс. Иванове / Д. И. Малинкович // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 15–20.

252. **Несмелов, А. И.** Всеволод Иванов «Сонеты» (Харбин, 1929) / А. Н. (А. И. Несмелов) // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 11–14.

253. **Семенов, Ю.** [О работе в архивах г. Хабаровска, в т. ч. о писателе Вс. Н. Иванове] / Ю. Семенов // Семенов Ю. С. Неизвестный Юлиан Семенов. Умру я ненадолго... : письма, дневники, путевые заметки / Ю. С. Семенов ; сост. О. Ю. Семенова. — Москва, 2008. — С. 13–14, 308–313.

254. **Якимова, С. И.** Подвижник культуры / С. И. Якимова // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 5–10.

2009 г.

255. **Аникина, Г. П.** Концепт «толпа» в творчестве китайских писателей Лу Синя, Лао Шэ и Вс. Н. Иванова / Г. П. Аникина // Русский Харбин, запечатлённый в слове. — Благовещенск, 2009. — Вып. 3. — С. 33–36.

256. **Воробьева, И. Ю.** Древние восточные верования в поэзии дальневосточной эмиграции : (по материалам сонетов М. Щербакова, Вс. Н. Иванова) / И. Ю. Воробьева // Филология и человек. — 2009. — № 4. — С. 106–112. — Библиогр.: с. 112.

257. **Воробьева, И. Ю.** Древние восточные верования в поэзии дальневосточной эмиграции : (на материале сонетов Вс. Н. Иванова и М. Щербакова) / И. Ю. Воробьева // Традиц. культура. — 2009. — № 1. — С. 77–80.

258. **Ефименко, В. М.** Трудная судьба писателя : о Вс. Н. Иванове / В. М. Ефименко // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2009. — № 3. — С. 46–54. — (Спец. вып. «Дальневосточный краевед»).

259. **Катеринич, В. Н.** Выход в свободное пространство : [беседа о жизни и встречах в Хабаровске] / подгот. С. Фурсова // Словесница Искусств. — 2009. — № 23. — С. 76–81. — Подназорный Всеволод Иванов и Ундина. — С. 79–80.

260. **Красноштанов, С. И.** Всеволод Иванов о времени и о себе / Сергей Красноштанов // Словесница Искусств. — 2009. — № 23. — С. 84–85.

261. **Лелаус, В. В.** Роман Вс. Н. Иванова «Чёрные люди» : специфика жанра / В. В. Лелаус // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дал. Востоке. — 2009. — № 2. — С. 12–16.

262. **Никитин, В.** Истина, которую ждали : слово о писателе, эмигранте, земляке / В. Никитин // Приамур. ведомости. — 2009. — 11 февр. — С. 11.

263. **Якимова, С. И.** Вклад писателя Вс. Н. Иванова в осмысление проблемы «Россия — Восток — Запад» // Россия — Восток — Запад.

Проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. — Владивосток, 2009. — Ч. 1 : Проблемы языка, литературы и лингвокультуры. — С. 223–226.

264. **Якимова, С. И.** Социокультурные предпосылки, духовно-нравственные истоки явления дальневосточной эмиграции — 2-е изд., перераб. и доп. / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2009. — С. 8–17.

265. **Якимова, С. И.** Подвижник русской культуры : вехи жизни и творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие / С. И. Якимова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Хабаровск, 2009. — С. 54–80.

266. **Якимова, С. И.** Философские и эстетические основы творчества Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие / С. И. Якимова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Хабаровск, 2009. — С. 81–90.

2010–2011 гг.

267. **Позина, Н.** Всеволод Иванов о Николае Рерихе / Н. Позина // Словесница Искусств. — Хабаровск, 2010. — № 1 (25). — С. 70–71 : фот.

268. **Позина, Н.** По следам «Русской Маньчжурии» : [о Вс. Н. Иванове по материалам лит. отд. Хабар. краев. музея им. Н. И. Гродекова] / Н. Позина // Музей. — 2010. — № 9. — С. 72–75.

269. **Таскина, Е. П.** Всеволод Никанорович Иванов — историк, прозаик, поэт : к 120-летию со дня рождения писателя / Е. П. Таскина // Русская Атлантида. — Челябинск, 2010. — № 36. — С. 3–6 : ил.

270. **Белозубова, Н. И.** Художественное пространство в «Рассказах о войне» А. Несмелова, Вс. Иванова, А. Хейдока, Я. Ловича / Н. И. Белозубова // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. — 2011. — Вып. 52. — С. 161–165. — Библиогр. в примеч.: с. 165.

271. **Выхованец, Н. А.** Думы о русском опыте в очерках Вс. Н. Иванова 1920-х годов / Н. А. Выхованец // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : сб. науч. ст. по материалам конф. — Хабаровск, 2011. — С. 69–77. — Библиогр.: с. 77 (5 назв.).

272. **Григоров, А. А.** Письма к Вс. Н. Иванову (1969–1971) : [письма костром. краеведа А. А. Григоровой] / А. А. Григоров // Григоров А. А.

«...Родина наша для меня священна» / А. А. Григоров. — Кострома, 2011. — С. 129–137.

273. **Кирпиченко, Т. В.** Вс. Н. Иванов и Дальневосточная государственная научная библиотека / Т. В. Кирпиченко // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2011. — № 3 (52). — С. 168–173. — (Спец. вып. «Дальневосточный краевед»).

274. **Позина, Н. С.** О переводе Вс. Н. Иванова баллады Р. Бёрнса «Джон Ячменное зерно» / Н. С. Позина // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2011. — Вып. 25. — С. 92–97.

275. **Позина, Н. С.** Особенности жанра дневника и записных книжек Вс. Н. Иванова хабаровского периода / Н. С. Позина // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : сб. науч. ст. по материалам конф. — Хабаровск, 2011. — С. 167–174. — Библиогр.: с. 174 (9 назв.).

276. **Светлов, Н.** Парнас между сопок : о поэмах Б. Бета и Всеволода Иванова / Н. Светлов // Их дальний путь лежал в изгнание... : антология-хрестоматия / под ред. С. И. Якимовой. — Хабаровск, 2011. — С. 82–84.

2012 г.

277. **Алёнкина, Е. М.** С высоко поднятой головой : [воспоминания о Вс. Н. Иванове] / Е. М. Алёнкина // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2012. — № 3 (56). — С. 89–98. — (Спец. вып. «Дальневосточный краевед»).

278. **Алёнкина, Е. М.** Удивительный барин : [воспоминания] / Е. М. Алёнкина // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2012. — Вып. 26. — С. 121–128.

279. **Выхованец, Н. А.** Жанр очерка в творчестве Вс. Н. Иванова 1920-х годов / Н. А. Выхованец // Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2012. — С. 159–165.

280. **Долбилкин, Н. П.** Всеволод Никанорович Иванов / Н. П. Долбилкин // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2012. — № 3 (56). — С. 83–88. — (Спец. вып. «Дальневосточный краевед»).

281. **Ковальчук, И. Ю.** Древние восточные верования в поэзии дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова, Вс. Н. Иванова) / И. Ю. Ковальчук // Литература и журналистика

русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2012. — С. 22–28.

282. **Позина, Н.** Пленительная сила женщин : [женщины в жизни Вс. Н. Иванова] / Н. Позина // Словесница Искусств. — 2012. — № 1 (29). — С. 130–132 : ил.

283. **Позина, Н. С.** Тема истории в дневниковой прозе Вс. Н. Иванова / Н. С. Позина // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2012. — Вып. 26. — С. 94–99.

284. **Ревоненко, А.** Из записных книжек / А. В. Ревоненко // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2012. — Вып. 26. — С. 156–177.

285. **Ревоненко, А. В.** О Всеволоде Никаноровиче Иванове [во Владивостоке. 1921–1922 гг.] / А. В. Ревоненко // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2012. — Вып. 26. — С. 140–155.

286. **Якимова, С. И.** Вклад писателя Вс. Н. Иванова в осмысление проблемы «Россия — Восток — Запад» / С. И. Якимова // Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2012. — С. 139–147.

287. **Якимова, С.** Подвижник русской культуры / С. Якимова // Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2012. — С. 147–159.

288. **Якимова, С. И.** Русская пресса 1920-х годов в социально-политической жизни Дальнего Востока России / С. И. Якимова // Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2012. — С. 81–90.

2013 г.

289. **Володкович, А.** Трое Ивановых — три судьбы : [о лит. творчестве писателей Н. И. Иванова (Анова) и Вс. В. Иванова] / А. Володкович // Хабар. экспресс. — 2013. — № 2 (9–16 янв.). — С. 19.

290. **Долбилкин, Н. П.** Раздумья. Всеволод Никанорович Иванов / Н. П. Долбилкин // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2013. — Вып. 29. — С. 131–137.

291. **Позина, Н. С.** О сонете Вс. Н. Иванова «Старик» / Н. С. Позина // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2013. — Вып. 29. — С. 70–75.

292. **Салеева, Л. В.** «...Всё пережить и стать вровень с веком...» : (о личном фонде писателя Вс. Н. Иванова в Гос. арх. Хабар. края) /

Л. В. Салеева // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2013. — Вып. 29. — С. 75–79.

2014 г.

293. **Бендик, Н. Н.** Документы РГАЛИ, связанные с Вс. Н. Ивановым / Н. Н. Бендик // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2014. — С. 17–24. — (К 125-летию со дня рождения Вс. Иванова).

294. **Кириллова, О. Е.** Писатель, поэт и журналист Вс. Н. Иванов : штрихи к творчеству начала 1920-х гг. / О. Е. Кириллова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2014. — С. 25–39. — (К 125-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова).

295. **Меряшкина, Е. В.** Евразийские взгляды Вс. Н. Иванова : к проблеме «Восток — Запад» / Е. В. Меряшкина // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2014. — С. 39–48. — (К 125-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова).

296. **Позина, Н. С.** Размышления о женском начале в дневниковой прозе Вс. Н. Иванова хабаровского периода / Н. С. Позина // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2014. — С. 48–54. — (К 125-летию со дня рождения Вс. Иванова).

297. **Якимова, С. И.** Наследие Вс. Н. Иванова как междисциплинарное поликультурное образовательное пространство / С. И. Якимова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2014. — С. 4–16. — (К 125-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова).

2015–2017 гг.

298. **Кротова, М. В.** Харбинский период жизни Вс. Н. Иванова : (к вопросу о его переходе в советское гражданство) / М. В. Кротова // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2015. — Вып. 33. — С. 43–52. — Библиогр.: с. 51–52.

299. **Иванов-Ардашев, В. В.** Сквозь редакторское сито / В. В. Иванов-Ардашев // Иванов-Ардашев В. В. Капитаны архивных дебрей :

по следам русского зарубежья / В. В. Иванов-Ардашев. — Хабаровск, 2016. — С. 29–33.

300. **Иванов-Ардашев, В. В.** Такой необычный однофамилец / В. В. Иванов-Ардашев // Иванов-Ардашев, В. В. Капитаны архивных дебрей : по следам русского зарубежья / В. В. Иванов-Ардашев. — Хабаровск, 2016. — С. 19–28.

301. **Якимова, С. И.** Жанр критической параллели в литературной критике русского зарубежья Дальнего Востока : (на материале творчества Вс. Н. Иванова) / С. И. Якимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 10, ч. 3. — С. 63–65. — Библиогр.: с. 65 (6 назв.).

302. **Якимова, С. И.** Жанр некролога в критике русского зарубежья Дальнего Востока / С. И. Якимова // Якимова С. И. Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте / С. И. Якимова. — Хабаровск, 2016. — С. 93–98.

303. **Марсенко, И. А.** Тема Востока в творчестве Вс. Н. Иванова / И. А. Марсенко, С. И. Якимова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. — Хабаровск, 2017. — С. 65–74.

304. **Мун, Е. В.** XX век глазами журналиста Вс. Н. Иванова / Е. В. Мун, С. И. Якимова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 17–18 нояб. 2016 г. — Хабаровск, 2017. — С. 74–79. — Библиогр.: с. 79.

305. **Мун, Е. В.** Революция 1917 года глазами писателя и журналиста Всеволода Иванова / Е. В. Мун, С. И. Якимова // Культура и наука Дальнего Востока. — 2017. — № 1. — С. 124–127.

306. **Позина, Н. С.** Размышления о литературе и предназначении писателя в дневниковой прозе Вс. Н. Иванова хабаровского периода / Н. С. Позина // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2017. — Вып. 35. — С. 96–102.

307. **Тарвид, Л. П.** Панорама русской жизни в мемуарах В. Н. Иванова / Л. П. Тарвид // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2017. — Вып. 35. — С. 182–190.

308. **Якимова, С. И.** Диалог литератур в литературно-художественной критике русского зарубежья Дальнего Востока : [о ст. Вс. Н. Иванова «Две борьбы за Вишнёвый сад»] / С. И. Якимова // Литература

и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 17–18 нояб. 2016 г. — Хабаровск, 2017. — С. 4–12. — Библиогр.: с. 11–12 (16 назв.).

2018 г.

309. **Кириллова, Е. О.** Газетные злости Доктора Финка : профессиональная деятельность журналиста Вс. Н. Иванова в зеркале владивостокской периодики начала 1920-х гг. / Е. О. Кириллова // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2018. — Вып. 36. — С. 14–31. — Библиогр.: с. 30–31.

310. **Кротова, М. В.** Материалы к биографии Вс. Н. Иванова / М. В. Кротова // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2018. — Вып. 36. — С. 5–13. — Библиогр.: с. 13.

311. **Лобанов, Д. А.** Служба В. Н. Иванова в Русской армии в годы Первой мировой войны / Д. А. Лобанов // Пермские дни роковые Всеволода Иванова (1914–1919 гг.) : 130-летию со дня рождения писателя посвящается... — Пермь, 2018. — С. 11–14.

312. **Максимова, Ю. А.** История в жизни и творчестве Всеволода Никаноровича Иванова / Ю. А. Максимова, С. И. Якимова // Культура и наука Дальнего Востока. — 2018. — № 2 (25). — С. 46–49.

313. **Максимова, Ю. А.** Универсализм творчества Вс. Н. Иванова / Ю. А. Максимова, С. И. Якимова // Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. студен. науч.-практ. заоч. конф. — Хабаровск, 2018. — С. 245–252.

314. **Пидченко, В. Е.** Вс. Н. Иванов и литературные приложения к владивостокской газете «Русский край» (1921–1922 гг.) / В. Е. Пидченко, С. И. Якимова // Культура и наука Дальнего Востока. — 2018. — № 2 (25). — С. 50–53.

315. **Позина, Н. С.** Вс. Н. Иванов и И. Э. Грабарь : личные и творческие связи / Н. С. Позина // Гродековские чтения (9) : Дальний Восток России на переломе эпох : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Гражд. войны в России, 17–22 апр., 2018 г., г. Хабаровск. — Хабаровск, 2018. — Т. 3. — С. 86–89. — Библиогр.: с. 89.

316. **Позина, Н. С.** Жанровое многообразие дневниковых текстов писателя и мыслителя Вс. Н. Иванова / Н. С. Позина // Культура и наука Дальнего Востока. — 2018. — № 2 (25). — С. 31–45.

317. **Позина, Н.** Кровь царя : [об очерке Вс. Н. Иванова «Кровь царя», опубли. в газ. «Русский край» (Владивосток) в 1921 г.] / Н. Позина // Мир музея. — 2018. — № 371. — С. 26–27.

318. **Послужной список прапорщика запаса армейской пехоты Иванова.** 1918 г. // Пермские дни роковые Всеволода Иванова (1914–1919 гг.) : 130-летию со дня рождения писателя посвящается... — Пермь, 2018. — С. 183–186.

319. **Чекмасова, О. И.** Публицистика В. Н. Иванова в пермских газетах : библиогр. список / сост. О. И. Чекмасова // Пермские дни роковые Всеволода Иванова (1914–1919 гг.) : 130-летию со дня рождения писателя посвящается... — Пермь, 2018. — С. 187–190.

320. **Черкесов, В.** Всеволод Никанорович Иванов и Арсений Семёнов // Словесница Искусств. — 2018. — № 1 (41). — С. 101–106 : ил.

321. **Шумилова, В. Н.** «Всеволод Никанорович Иванов — натура цельная и самобытная» / В. Н. Шумилова // Пермские дни роковые Всеволода Иванова (1914–1919 гг.) : 130-летию со дня рождения писателя посвящается... — Пермь, 2018. — С. 4–10.

322. **Якимова, С. И.** Теоретическая и публицистическая критика Всеволода Никаноровича Иванова / С. И. Якимова // Культура и наука Дальнего Востока. — 2018. — № 2 (25). — С. 27–30.

323. **Якимова, С. И.** Универсализм и полидисциплинарность творчества писателя-мыслителя Вс. Н. Иванова (к 130-летию со дня рождения) / С. И. Якимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 11, ч. 2. — С. 268–273. — Библиогр.: с. 273 (14 назв.).

2019 г.

324. **Кириллова, Е.** Газетные злости Доктора Финка : профессиональная деятельность журналиста Вс. Н. Иванова / Е. Кириллова // Дал. Восток. — 2019. — № 2. — С. 185–195.

325. **Кирпиченко, Т.** «Мы будем вместе...» : [из жизни писателя Вс. Н. Иванова и его жены М. И. Букреевой] / Т. Кирпиченко // Словесница Искусств. — 2019. — № 1 (43). — С. 134–137: фот. — Библиогр.: с. 137.

326. **Ковальчук, И. Ю.** Сonetы Вс. Н. Иванова в контексте эмигрантской поэзии в Китае / И. Ю. Ковальчук // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 21–22 нояб. 2018 г. — Хабаровск, 2019. — С. 28–33. — (К 130-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова).

327. **Кротова, М.** Штрихи к «запутанной» биографии Вс. Н. Иванова / М. Кротова // Дал. Восток. — 2019. — № 2. — С. 180–184.

328. **Позина, Н. С.** О переписке Вс. Н. Иванова и Л. А. Зандера / Н. С. Позина // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 21–22 нояб. 2018 г. — Хабаровск, 2019. — С. 33–39. — (130-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова).

329. **Позина, Н.** Человек двух миров : (судьба и творчество дальневост. писателя Вс. Н. Иванова. 1888–1971) / Н. Позина // Словесница Искусств. — 2019. — № 2 (44). — С. 98–101 : фот. — Библиогр.: с. 101.

330. **Якимова, С. И.** Отечественная политическая журналистика 1920-х гг. на Дальнем Востоке России и в дальневосточной эмиграции / С. И. Якимова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 21–22 нояб. 2018 г. — Хабаровск, 2019. — С. 52–59. — (К 130-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова).

2020–2023 гг.

331. **Пидченко, В. Е.** Метафорический образ истории в очерках В. Н. Иванова 1920-х гг. : [очерки о Гражданской войне «Туман над Россией», «Кровь царя», «В дымных лесах»] / В. Е. Пидченко, С. И. Якимова // Дальний Восток России : от прошлого к будущему : Шестые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня образования Приамур. генерал-губернаторства, 20 нояб. 2019 г. — Хабаровск, 2020. — С. 583–587. — Библиогр.: с. 587.

332. **Позина, Н. С.** Значение театра в судьбе и творческом наследии Вс. Н. Иванова / Н. С. Позина // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2020. — Вып. 38. — С. 44–48 — Библиогр.: с. 48.

333. **Якимова, С. И.** Книга очерков В. Н. Иванова «Огни в тумане : думы о русском опыте» (Харбин, 1932) в социокультурном контексте XX–XXI вв. / С. И. Якимова // Дальний Восток России : от прошлого к будущему : Шестые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня образования Приамур. генерал-губернаторства, 20 нояб. 2019. — Хабаровск, 2020. — С. 587–590. — Библиогр.: с. 590–591.

334. **Позина, Н. С.** О публикации коллекции Вс. Н. Иванова. Из опыта Гродековского музея / Н. С. Позина // Гродековские чтения (10) : материалы межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием : (к 80-летию начала Великой Отечеств. войны и 75-летию Токийс. процесса над яп. воен. преступниками), 20–21 апр. 2021 г., г. Хабаровск. — Хабаровск, 2021. — Т. 3. — С. 72–76. — Библиогр.: с. 76.

335. **Позина, Н. С.** Размышления писателя Вс. Н. Иванова об искусстве. Дневник посетителя художественных музеев : [записи 1945–1971 гг.] / Н. С. Позина // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 18–19 нояб. 2020 г.). — Хабаровск, 2021. — С. 12–21. — Библиогр.: с. 20–21.

336. **Якимова, С. И.** Публицистика Вс. Н. Иванова периода Гражданской войны : проблематика, герои / С. И. Якимова, Д. В. Александров // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 18–19 нояб. 2020 г.). — Хабаровск, 2021. — С. 294–301.

337. **Якимова, С. И.** Тема Востока в поэзии Вс. Н. Иванова (по страницам периодики) / С. И. Якимова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 18–19 нояб. 2020 г.). — Хабаровск, 2021. — С. 5–12. — Библиогр.: с. 12 (6 назв.).

338. **Якимова, С. И.** Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова / С. И. Якимова // Филология и человек. — 2022. — № 2. — С. 7–18. — Библиогр.: с. 16–18.

339. **Савченко, А.** Три жизни писателя : к 135-летию Вс. Н. Иванова (1888–1971) / А. Савченко // Приамур. ведомости. — 2023. — 15 нояб. — С. 12.

Именной указатель

- А
Акулов И. 33
Александров Д. В. 336
Александровский В. Н. 135, 160
Алёнкина Е. М. 169, 277, 278
Андерсен Л. 228
Андреева Г. 32
Аникина Г. П. 197, 255
Антоний Римлянин. 14, 16, 45
Антонов В. Н. 39
Асламов М. Ф. 54
- Б
Бажин Н. 21
Бакич О. 113
Белов М. 29
Белозубова Н. И. 270
Бендик Н. Н. 293
Бета Б. 276
Бёрнс Р. 274
Бичурин Н. Я. 64
Блок А. 125
Болдырев, генерал 2
Борисова Д. 23
Бруни Н. К. 120
Букреев Ю. 184
Букреев Ю. Я. 45
Букреева М. И. 325
Быстрых Т. 194
- В
Васильев В. В. 26
Вахов А. 137
Вежновец А. Ф. 172
Владимиров А. 24
Воейкова Е. Д. 115
- Володкович А. 289
Вольгушев Е. И. 34
Воробьёва И. Ю. 237, 256, 257
Воронков А. 23
Вуколов О. К. 35
Выхованец Н. А. 271, 279
- Г
Гвоздева А. 163, 178
Гёте 210
Глебова Е. 202
Глушков-Олерон Д. И. 240, 241
Голлербах Э. 18,
Голубева А. Э. 235
Голяховский Е. Н., худож. 21
Горбунов Инн., худож. 157
Грабарь И. З. 315
Грачёв А. 165
Грачёв А. М. 164, 218
Грачёва А. 205
Гребенюкова Н. 240
Гребенюкова Н. П. 241
Григоров А. А. 272
Григорьев А. 242
Гришин Н. И., худож. 29
Гумилёв Н. С. 110, 125
Гусев О. 206, 207
Гюбиева Г. Е. 170, 171
- Д
Добровенский Р. 157
Добровольская И. 243
Добровольская И. В. 244
Долбилкин Н. П. 221, 238, 280, 290
Достоевский Ф. М. 132а
Дракохруст А. 185, 245

- Е
 Есипов С., худож. 38
 Ефименко В. М. 148, 154, 158, 258
 Ефименко Ю. В. 148, 217
- З
 Зандер Л. А. 328
- И
 Иванов Б. 36
 Иванов В. 102, 207–209, 216, 230, 246
 Иванов Н. И. (Анов) 289
 Иванов Ю. 168
 Иванов-Ардашев В. В. 231, 236, 238, 239, 247, 299, 300
 Иващенко Е. Г. 248
 Ивенский А. 29
 Ильина-Лаиль О. 115
 Иннокентий (Вениаминов) 207
- К
 Калининчук И. 156
 Катеринич В. Н. 259
 Кедров А. 19
 Кирий Г. 22
 Кириллов Е. 198, 204, 249, 324
 Кириллова О. Е. 294, 309
 Кирпиченко Т. 325
 Кирпиченко Т. В. 182, 273
 Ковальчук И. Ю. 281, 326
 Корчагин 210
 Красноштанов С. И. 210, 260
 Крейд В. 113
 Кротова М. 327
 Кротова М. В. 298, 310
 Крузенштерн-Петерец Ю. В. 199
- Л
 Лавренко Г., худож. 38
 Лао Шэ 255
 Лелаус В. В. 145, 211, 250, 261
 Ленин [В. И.] 8,
 Леонтьев В. 136
 Лимонов Ю. А. 44
 Ло Гуань-чжун 134
 Лобанов Д. А. 311
 Лович Я. 270
 Лу Синь 255
- М
 Магнитский М. 24
 Макеев А. 138
 Максимов Н. 24, 175
 Максимова Ю. А. 312, 313
 Малинкович Д. И. 251
 Мarmorштейн И. 21
 Марсенко И. А. 303
 Меряшкина Е. В. 295
 Мессер Р. 30
 Михайлов О. 33
 Мун Е. В. 304, 305
- Н
 Надеждин В. 21
 Несмелов А. И. 252, 270
 Никаноров Вс. (Иванов Вс. Н.) 133
 Никитин В. 262
 Никитин В. П. 102
 Николаев П. 24
 Николаев П. А. 33, 36, 41, 174
 Николаев С. 19
- О
 Обломов 210

Окладников А. П. 207
Оскоцкий В. 29

П

Пидченко В. Е. 314, 331
Погудин Г. 19
Позина Н. 267, 268, 282, 329
Позина Н. С. 55, 274, 275, 283, 291,
296, 306, 315–317, 328, 329, 332,
334, 335
Полякова Е. 29
Пономарёва А. 218
Пономарчук Н. 120
Пономарчук Н. С. 212, 214
Прандэ А. М., худож. 18,
Пришвин А. 19, 24
Пролесковская Е. 166

Р

Ревоненко А. В. 284, 285
Рерих Н. 17, 18, 45, 48, 267
Романдин М., худож. 90
Романенко Д. 29
Рух К. 133
Руссков В. 139
Руссков В. А. 219

С

Савченко А. 339
Савченко З. П. 128
Салеева Л. В. 292
Светлов Н. 276
Свищев А. К., худож. 25
Семёнов А. 320
Семёнов Ю. 253
Семёнова О. Ю. 253
Симовский С. Л. 159
Соловьёв В. 12, 125

Соломатов В. 179
Сумашедов Б. 183, 239
Сурганов В. 32
Сущенко И., худож. 92

Т

Тарвид Л. 222
Тарвид Л. П. 307
Таскина Е. П. 195, 269
Титов Д. К., худож. 43
Ткаченко А. 231, 236

Ф

Фоняков И. 33
Френкель И. В., худож. 46
Фридман Н. 22
Фурсова С. 259

Х

Хейдок А. 270
Хлебников Г. 30
Холодок Н. И., худож. 54

Ц

Циновская Л. Н. 182
Ципкин Ю. 189, 236
Ципкин Ю. Н. 215

Ч

Чалмаев В. 30
Чекмасова О. И. 319
Черкесов В. 320
Чернявский А. 176, 190
Чернявский А. Г. 200

Ш

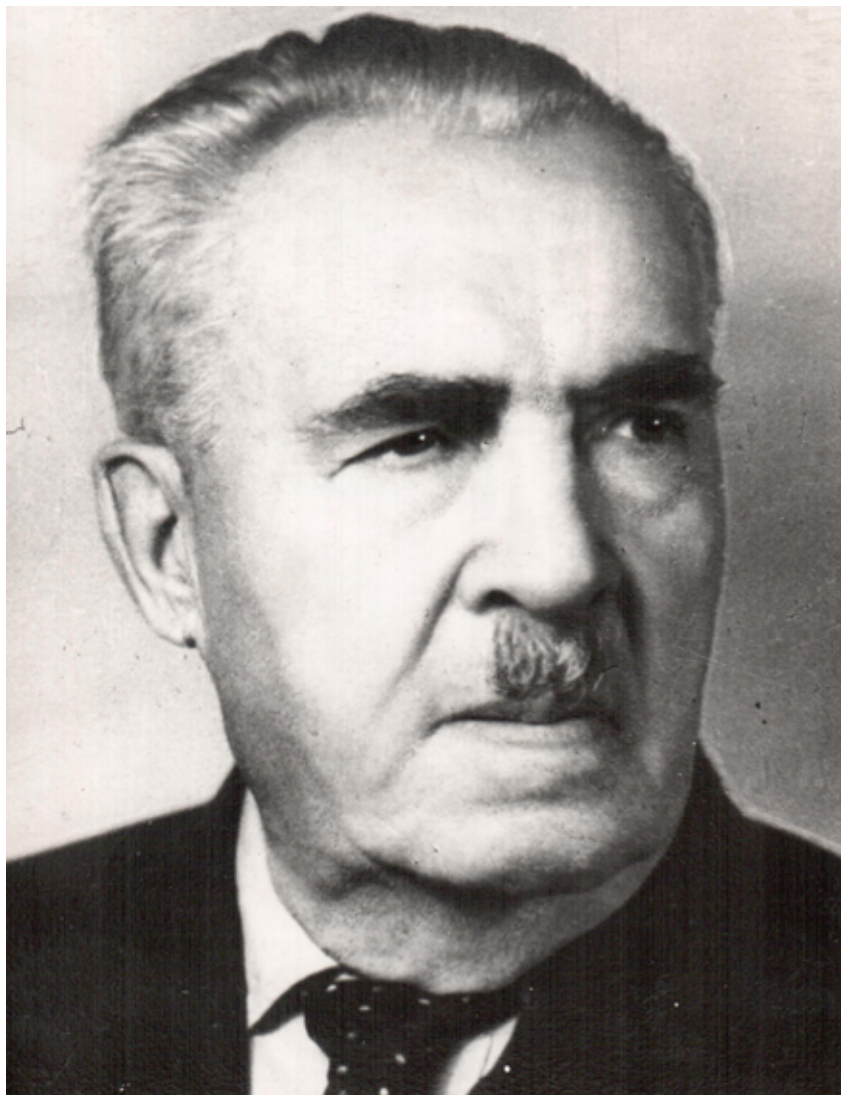
Шевченко В. 95, 177, 180, 181, 191,
192

Шевченко В. С. 200
Ши Найань 134
Ширмаков П. 21
Шишловский Н. А., худож. 32
Штейн М. 24
Шумилова В. Н. 321

Щ
Щербаков М. 256, 257, 281

Ю
Юдин В. А. 193

Я
Яблоновский С. 30
Якимова С. 116, 142, 186
Якимова С. И. 118, 125, 140, 143,
144, 146, 147, 152, 187, 196, 201,
213, 220, 223–227, 232–234, 254,
263–266, 276, 286–288, 297, 301–
305, 308, 312–314, 322, 323, 330,
331, 333, 336–338
Ярошенко В. И., худож. 23

Всеволод Николаевич Иванов

*Подпоручик
Иванов Вс. Н.,
2018 г.*

*В. А. Морозов, Вс. Н. Иванов, И. Т. Щелоков,
В. Ф. Иванов, Харбин, 1930 г.*

Вс. Н. Иванов

*Моя комната в Шанхае.
Рисунок Вс. Н. Иванова*

*Вс. Н. Иванов с женой М. И. Букреевой,
1950-е гг.*

Вс. Н. Иванов с дальневосточными писателями, 1952 г.

Г. И. Черная, Н. Я. Комарова, Вс. Н. Иванов, М. И. Букрева

Вс. Н. Иванов в краевой научной библиотеке

Празднование юбилея в краевой научной библиотеке, 1968 г.

Вс. Н. Иванов

*Вс. Н. Иванов на праздновании юбилея
в краевой научной библиотеке (ДВГНБ), 1968 г.*

Вс. Н. Иванов

Вс. Н. Иванов на даче в Грачёвке

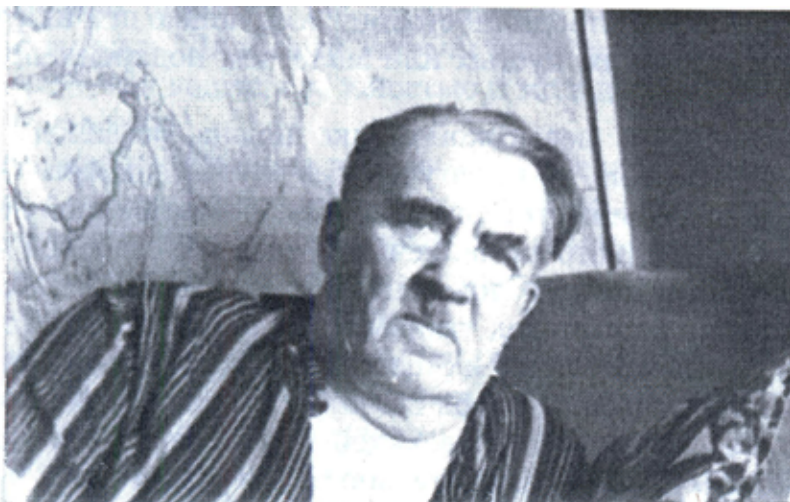
Вс. Н. Иванов с начинающими авторами, 1971 г.

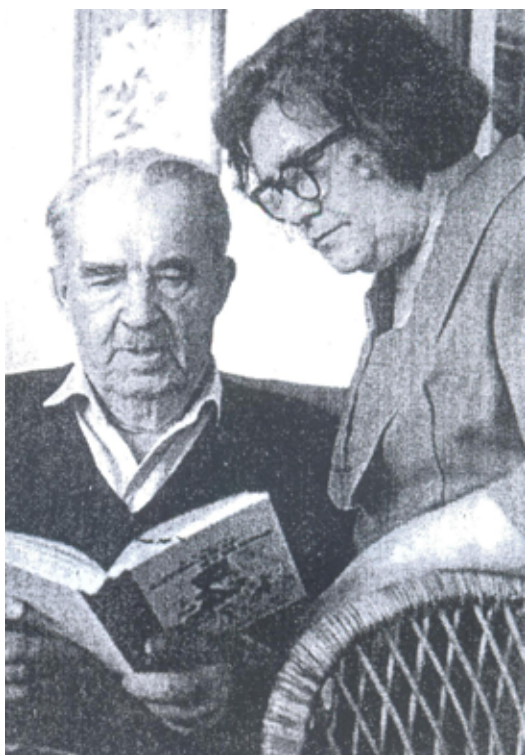
Рисунок Вс. Н. Иванова

Вс. Н. Иванов с женой

Вс. Н. Иванов дома

Вс. Н. Иванов с женой М. И. Букреевой

Обложки книг

